

КОНДИ
И КРАСНОЕ
ВРАТСТВО

Annotation

Приключения Конана продолжаются в повестях Ника Харриса:

- * Красное братство
 - * Корона власти
-

- [Ник Харрис](#)
 - [Красное братство](#)
 - [Ник Харрис](#)
 - [Корона власти](#)
-

Ник Харрис

Красное братство

1

В небольшой, насквозь прокопченной таверне на окраине Шадизара случилась драка. Ремесленный люд, составлявший основной костяк завсегдатаев заведения, разделился на две группы и тузил друг друга почем зря.

— Что они не поделили? — спросил проснувшийся от криков гном Хепат сидевшего рядом воина могучего сложения.

Богатырь безразлично пожал широченными плечами и твердой рукой налил из огромного, как хорошо откормленный гусь, кувшина. Единым духом осушив кружку, с удовольствием крякнув и закусив копченой свининой, он буркнул:

— Спорят о том, чего не знают...

— Это о чём же? — гном окончательно проснулся, хлебнул вина, потряс всклокоченной бородой, в которой уже пробивалась седина, и вопросительно посмотрел на друга.

Но, поскольку тот промолчал, Хепат продолжал, все больше оживляясь:

— Вчера они спорили о болотных жителях... Кто-то видел на болотах некое существо... Другие считали, что это был старый, сумасшедший дровосек, уже больше года скитающийся с топором по лесам и болотам...

Узрев на темном, покрытом шрамами лице друга абсолютное безразличие к предметам спора дерущихся, гном потянул его за рукав:

— Скажи, Конан, ты слышал, о чем они спорили сегодня?

— О драконах, — нехотя ответил воин и досадливо потер гладко выбритый подбородок.

Дерущиеся большей частью уже лежали без движения, но некоторые, особо настырные, продолжали месить друг друга кровавленными кулаками.

— Одни считают, — усмехнувшись, продолжал Конан, — что факел дракона поддерживается только волшебством, другие кричат, что разлагающаяся в желудке пища выделяет горючий газ...

— А как же он загорается? — заинтересовавшись, живо спросил Хепат.

— Дракон клацает зубами от злости и высекает искры! Возможно, так оно и есть... — Конан отправил в рот хороший кусок мяса и запил изрядной порцией вина.

Крики дерущихся, наконец, стихли. Слышалась только сдавленная ругань и хрипы пытающихся подняться спорщиков. Меж темных дубовых столов вновь засновали помощники хозяина, разнося гостям вино и закуску. Конан поднял руку и указал на кувшин. К нему тотчас бросился щустрый паренек с быстрыми черными глазами. Ловко перепрыгивая через лежащих драчунов, он подбежал к столу, за которым горой возвышался киммериец. Почтительно склонившись, пряча усмешку, искоса глянул на лежащую на столе бороду Хепата.

— Прикажите еще вина, господин?

— И вина, и закуски! — сердито крикнул гном, заметив искорки смеха в глазах слуги.

Конан кивнул, и паренек умчался, на сей раз лавируя между поднявшимися, но все еще нетвердо стоящими на ногах спорщиками.

Среди обычной суэты никто не обратил внимания на вошедшего в таверну человека в

простой, но дорогой одежде. Только острый глаз хозяина — толстого Асланкариба — мигом выхватил из пестрой толпы вновь прибывшего. Богато одетые клиенты не сулили ничего хорошего. Заплыvшие глазки хитрого торговца тревожно заметались.

Конан, каким-то образом ощущив беспокойство хозяина, мигом установил его причину. Богатый посетитель. Пришел явно не трапезничать Скорее всего, кого-то ищет.

Догадки киммерийца подтвердились через секунду, когда незнакомец, отыскав взглядом гигантскую фигуру воина, слегка кивнул и стал поспешно пробираться к его столу. Присев, он некоторое время молча разглядывал Конана и его низкорослого спутника. Те, в свою очередь, также не спешили начинать беседу. Конан, вопросительно подняв бровь, спокойно смотрел на присевшего без приглашения человека, а Хепат сверлил его угрюмым взглядом.

— Я с трудом нашел тебя, Конан из Киммерии, — медленно проговорил незнакомец с сильным южным акцентом.

— Я не прятался, — усмехнулся Конан.

— Меня зовут Аль-Джезред, — продолжал южанин, — я придворный маг... — он на секунду замялся, — имя моей госпожи я не могу назвать, но скажу, что могуществом она затмит любого повелителя западной страны!

Конан с безразличным видом молча слушал. Хепат же нетерпеливо ерзал на скамье — у него на языке крутилось слишком много вопросов.

— Госпожа поручила мне найти в Заморе Конана-Киммерийца и нанять его за любые деньги.

Южанин выжидающе замолчал, как бы разрешая задавать вопросы.

— Нанять для какой работы? — спросил Конан.

Пока просто нанять... — Аль-Джезред пошевелил пальцами, как бы затрудняясь подобрать нужные слова, — о том, что необходимо сделать, госпожа расскажет сама, при встрече.

— Я так не работаю, — Конан налил вина, не предлагая гостю.

В глазах южанина мелькнули веселые огоньки. Он оценил независимость воина.

— Кроме того, — продолжал киммериец, осушив кружку, — размер платы зависит от того, чем мне придется заниматься.

Черные глаза южанина теперь уже откровенно заискрились смехом. Его худое, породистое лицо, украшенное длинным, с горбинкой носом, лучилось морщинками, хотя на вид ему было не более сорока лет.

— Назови любую сумму, Конан, и я увеличу ее вдвое! — Аль-Джезред поднял руку и, когда к нему подбежал слуга, заказал кувшин самого лучшего вина. Он понял, что разговор не будет коротким.

— Когда платят большие деньги — много требуют, — спокойно сказал Конан и взглянул на Хепата.

Гном понял, что ему разрешено, наконец, принять участие в переговорах.

— Мы не можем отправляться на край света не зная, что нам предстоит! — выпалил он, подозрительно глянув на гостя.

— Мы? — преувеличенно удивился Аль-Джезред, — я имею указание нанять только Конана-Киммерийца!

— Это мой друг и оруженосец, — сказал Конан, — придется нанять и его. Но сумму, которую он назовет, вдвое можно не увеличивать.

Южанин пожал плечами.

— Значит, договорились? Называйте свою цену

— Не так быстро, — усмехнулся Конан — кое-что нужно все же уточнить...

— Спрашивайте, — бросил Аль-Джезред, — я расскажу все, что не запрещено.

— Где живет твоя госпожа? И кто она? Королева?

— Она живет на острове. Далеко на юге. Мы называем его Островом Пауков. Да, она королева этой островной страны.

— А далеко от берега остров? А то меня на море укачивает! — зачастил Хепат, опасаясь, что Конан задаст новый вопрос, и он, Хепат, последний из племени Вармина, не успеет принять деятельное участие в переговорах.

— Остров не слишком далеко, — серьезно ответил южанин и взглянул на Конана, ожидая более обстоятельных вопросов.

— Островное государство? Значит, соседи вашу королеву не беспокоят?

Это вопрос, — Аль-Джезред тщательно подбирал слова, — ответ на который может раскрыть то, о чем я обязан молчать...

— Значит, соседи... — сделал вывод Конан, очевидно, ей нужна хорошая охрана... или же она собирается воевать...

Придворный маг молчал. Только пристально смотрел на собеседника.

— Другой вопрос, — невозмутимо продолжал Конан, — почему она выбрала меня? Откуда она вообще меня знает?

— Кто же на островах, не знает капитана Амру?! — воскликнул Аль-Джезред.

Но, увидев, что сидящие за соседними столиками посетители с любопытством обернулись, он понизил голос и продолжал почти шепотом:

— Установить подлинное имя Амры для меня Не составило труда...

— Понятно, — кивнул Конан.

— А как по-настоящему, на картах называется остров? — встрял Хепат

— Его название и точное географическое положение мне также велено держать в секрете...

— Как долго туда добираться?

— На моих лошадях, — маг чуть заметно усмехнулся, — мы доедем за пять дней. На ваших — пришлось бы ехать не меньше года.

— Ну, точно на краю земли! — Хепат стукнул кулаком по лежащей на столе бороде.

— Интересные у тебя лошади, — пробурчал Конан, подливая вина, — вряд ли они похожи на наших...

— Скоро сами увидите, — сказал маг.

— На какой срок твоя госпожа собирается нас нанять? — спросил Хепат.

— Нанять она собирается Конана, — уточнил южанин, — а ты,уважаемый гном, как я понял просто небольшой довесок... Что касается сроков — то их нет. Будет разовое задание. Как только вы его выполните — мои животные отвезут вас обратно.

— Ну что ж, все ясно... — Конан нахмурился: его не покидало ощущение надвигающейся беды. Он немного помолчал и добавил:

Вот моя цена...

Животные придворного мага Аль-Джезреда оказались кошмарными тварями, напоминающими огромных пауков с крыльями. Они копошились в темноте, издавая отвратительное похрюкивание. Пещера, где южанин предусмотрительно спрятал «лошадей», находилась в нескольких часах пути от города.

Вручив коней и верблюда Хепата погонщику, который, не мешкая, отправился в обратный путь, Конан вслед за Аль-Джезредом вошел в темную пещеру. Гном остался снаружи под благовидным предлогом разведения костра и распаковывания седельных сумок. Нельзя сказать, что его пугали звуки, доносящиеся из «стойла». Просто он не горел желанием познакомиться со странными скакунами южанина, хотя понимал: рано или поздно придется взгромоздиться им на спину.

В пещере, пока глаза привыкали к темноте, Конан слышал уханье, хрюканье и поскрипывание, издаваемое «лошадьми». Маг где-то рядом бормотал ласковые слова и, вероятно, почесывал животных за ушами, если, конечно, у них были уши. Постепенно Конан стал различать копошащиеся силуэты крылатых пауков. Пучки глаз поблескивали не то злобно, не то испуганно. Длинные суставчатые ноги нетерпеливо сучили, задевая друг о друга и производя крайне неприятные звуки.

— Вот и наши лошадки, — ласково сказал из темноты Аль-Джезред, — смотри не напугай их, Конан. Медленно подойди и почести голову. Вот тут.

С трудом Конан различил, где именно чешет маг. Выходило, что где-то на самой макушке, у основания маленьких рожек. Вздохнув, киммериец осторожно приблизился к тварям. Не такие уж страшные, скорее даже забавные, с испуганным взглядом... По размерам меньше коня, больше осла. Очень много ног... или лап. На спине крылья, как у нетопыря или дракона. Словом пауки с крыльями.

Конан потрогал рожки. Они оказались мягкими и бархатистыми. Почесал. И, к своему удивлению, услышал тихое, ласковое мурлыканье.

— Пусть и гном познакомится со своим «конем», — озабоченно сказал маг, — иначе он может испугаться незнакомого седока... Нужно звать...

— Я уже давно здесь, — раздался голос, словно бы из-под камня, — и Хепат медленно приблизился.

— Я и забыл, как гномы умеют прятаться, — рассмеялся южанин, — почести ему рожки... Вот так... Слышишь — он доволен? Мурлычет, как ваши кошки... За эти рожки будете держаться в полете... Поедем, а затем полетим, ночью... Они не любят дневного света...

До темноты успели как следует закусить и даже подремать. Засыпая, Конан чувствовал пристальный взгляд мага. Интересно, сколько он успел узнать... И кстати, чем они питаются, эти «кони»?..

Ночь выдалась темной и мрачной. Тяжелые тучи закрыли луну, звезды едва мерцали за дымной пеленой быстро несущихся рваных облаков.

Кое-как уселись на пауков. Хепат ворчал и недовольно хмыкал. Конан молча взялся за бархатные рожки, примостился поудобнее.

— Они побегут или полетят? — он почесал основания рожек и, как голос старого друга, с удовольствием услышал нежное мурлыканье.

— Вначале побегут, — откликнулся маг, — вам нужно привыкнуть... иначе, чего доброго свалитесь, — и он добродушно рассмеялся.

— Не на таких ездили! — задиристо воскликнул Хепат и тут же стыдливо умолк. Кому

он, последний из племени... морочит голову? Этот придворный маг видит его насквозь! Видит, как он боится, трястется, как спирает у него дыхание при одной мысли о том, что нужно будет лететь на этих мерзких пауках... Хотя, надо сказать, они оказались довольно милыми животными... Мурлычат... А то, что иногда похрюкивают — так это от страха перед незнакомыми наездниками...

Успокоившись, Хепат крепче ухватился за рожки. И тут его стало немного покачивать, потом трясти — пауки побежали. В темноте невозможно было разобрать, какова скорость их бега. Ветер бил в лицо, пытался сорвать одежду. Пришлось втянуть голову в плечи и закрыть глаза. Отпускать мягкие рожки, чтобы плотнее запахнуться, почему-то не хотелось.

Из-за туч показалась луна, и Хепат обалдел: Пятна лунного света на земле сливались в одну Размытую дорожку — пауки бежали с немыслимой для живого существа скоростью! Нет, глаза лучше закрыть!..

Внезапно тряска прекратилась, а за спиной послышался свист крыльев. Гном помотал головой — они уже летят! Ветер так и норовил сбросить Хепата наземь. Свист чудовищных крыльев разрывал уши. Вот если не сидеть на пауке а прилечь, вытянуться, крепче ухватясь за рожки...

Так они летели сквозь ночь, а впереди и чуть слева медленно разгоралась заря, словно предвещая беду ярким, кровавым цветом...

На пятую ночь пауки приземлились перед главными воротами огромного, хорошо освещенного замка. Конан напоследок ласково почесал рожки «скакуна» и помог слезть Хепату, который удивленно покачивал бородой, мысленно измеряя высоту крепостных стен.

— Это замок нашей королевы, — пояснил Аль-Джезред, как будто они могли ошибиться и прилететь в другое место.

— Это я уже понял, — проворчал Конан. Пауки с удивительным проворством убежали в темноту. Железная решетка на воротах с грохотом поднялась, приглашая пройти под огромными ржавыми зубьями.

— Следуйте за мной, — коротко сказал маг и широким шагом направился к барбакану.

Замшелые стены замка поражали высотой и мощью. Вершины угловых башен терялись в темноте, несмотря на то, что повсюду горели огромные, смоляные факелы. За стеной громоздились обычные замковые постройки, а посреди, подобно громадному скалистому плато, возвышалась цитадель.

Прошли по плохо освещенному дворику, несколько раз ныряли в длинные низкие строения, пока Конан с Хепатом вконец не запутались. Очевидно, это и являлось целью столь длинного перехода. Наконец, совсем уж в темноте, протиснулись в какую-то щель и очутились в святая святых королевы Острова Пауков — внутри цитадели.

— Королева примет вас утром, а пока можете отдохнуть в отведенных покоях, — скороговоркой произнес Аль-Джезред и, поручив Конана и Хепата заботам угрюмого слуги, торопливо скрылся в узком боковом проходе.

Слуга, после длительных переходов по коридорам и лестницам, привел друзей в маленькую темную коморку, где с трудом помещались две узких лежанки.

— Не слишком ласково встречает гостей королева этого острова, — пробурчал Конан, укладываясь, — посмотрим, что будет завтра...

Наутро, вместо хмурого слуги, в каморку впорхнули две молодые рабыни и помогли друзьям одеться. Конан одобрительно потрепал девушку по щеке, а Хепат шлепнул «свою» пониже спины.

В хорошем настроении друзья прошествовали в зал приема. На золотом, украшенном драгоценными камнями троне сидела королева — маленькая сморщенная и, по-виду, злобная старуха. Рядом, в свободной позе, небрежно опершись о трон, стоял придворный маг Аль-Джезред.

Хепат, почему-то считавший, что королева обязательно должна быть молодой красавицей, приунул и втянул голову в плечи. Конан спокойно и с достоинством поклонился. Спохватившись гном также отвесил низкий поклон.

Старуха впилась в Конана горящими глазами.

— Ты именно такой, каким мне тебя описывали! Огромный воин-варвар, красавец и герой! Я разрешаю подойти и поцеловать мне руку.

Конан, сохранив на лице спокойное, невозмутимое и, насколько возможно, учтивое выражение, широким шагом подошел к старухе, опустился на одно колено и прикоснулся губами к сухой, морщинистой руке.

Королева и маг внимательно наблюдали за реакцией киммерийца. Конан надеялся, что сумел поглубже запрятать истинные чувства, оставив на лице только невозмутимую учтивость.

В этот момент Хепат издал хриплое карканье. Конан мгновенно обернулся, положив руку на рукоять меча. Через весь тронный зал медленно ползла огромная змея. Ее отливающее металлом тело, толщиной с хороший бочонок, отвратительно пульсировало. Массивная плоская голова раскачивалась в такт движению. Немигающие черные глаза, величиной с плошки, нестерпимо блестели. Хвост гадины все еще скрывался в круглом отверстии, находящемся в дальнем углу зала, а непрестанно высывающийся раздвоенный язык уже почти касался ног Конана.

Киммериец сдержал инстинктивный порыв выхватить меч — краем глаза он заметил: за его действиями внимательно наблюдают королева и маг. Что это? Проверка? В тронном зале не могут водиться дикие змеи, следовательно, эта тварь — ручная, скорее всего, любимица безобразной старухи-королевы. Вспомнились крылатые пауки. Возможно, на острове иные домашние животные, нежели в остальном мире.

— Вы рискуете жизнью своей любимицы, ваше величество, — спокойно сказал Конан, — я мог испугаться и отрубить ей голову.

— Но ты не испугался... — королева, казалось, была несколько разочарована, — это Глайя, она живет в замке со дня его основания... Приходится ее сытно кормить, иначе...

Конан кивнул. Хепат, подойдя к другу, внимательно наблюдал, как огромная тварь медленно свивает кольца вокруг трона. Аль-Джезред демонстративно погладил рептилию по плоской голове. Длинный раздвоенный язык толщиной в руку несколько раз обвил его пальцы.

— Ты должен помочь мне, Конан, — старуха приступила, наконец, к делу, — мой маг сказал, какую цену ты запросил. Я согласна, как он и говорил, увеличить ее вдвое. А вот жалование твоему оруженосцу...

Хепат воинственно выпятил бороду и набрал в грудь воздуху. Королева скривилась, будто глотнула прокисшего вина.

— Ладно, пусть все будет так, как вам пообещал Аль-Джезред.

Гном шумно выдохнул, так ничего и не сказав. Конан внимательно посмотрел на старуху. А ведь ее нос и подбородок мечтают встретиться, подумал он, седые космы — как их не расчесывай — выглядят не лучше пакли. А сморщенное тело похоже на иссохшую плоть

мумии.

Мысленно отомстив, таким образом, королеве за не слишком ласковый прием, вслух он сказал:

— Мы готовы выслушать задание.

— Хорошо, — прошамкала старуха, пожевав губами, — слушайте...

3

— Не по нутру мне это поручение, — ворчал Хепат, усаживаясь на паука.

— Мне тоже, — Конан почесал своему «коню» рожки и с удовольствием услышал мягкое мурлыканье, — вначале разберемся, что к чему... Прикинемся наемниками, как и советовала королева, а уж там посмотрим...

На сей раз в роли гида и погонщика животных выступал один из помощников Аль-Джезреда — молчаливый юноша с раскосыми глазами. В его присутствии приходилось соблюдать осторожность, так как он, конечно же, получил задание слушать и запоминать...

После приема в тронном зале друзей сытно накормили и отвели отдыхать в уже знакомую каморку.

Вечером пришел Аль-Джезред, еще раз повторил детали разработанного королевой плана, напомнил о щедром вознаграждении и представил погонщика пауков — своего ученика и помощника по имени Азинф.

С наступлением ночи Конана и Хепата провели извилистыми, тайными путями из цитадели в небольшой внутренний дворик.

Отсюда они должны были вылететь на другой конец острова, где высадилась с армией наемников Звездная Ведьма, мечтающая заполучить трон и богатства старой королевы.

— Что же это за Звездная Ведьма такая? — бормотал гном, удобнее усаживаясь на спине паука.

Конан промолчал, а погонщик неожиданно сказал:

— По слухам, она прекрасна, как юная пери! Вам будет нелегко ее убить...

— Но вначале, как приказала королева, нам нужно войти к ней в доверие и возглавить армию, — Конан усмехнулся, — не так-то просто это сделать: у нее, конечно же, есть свои генералы...

— Тебя, Конан, она обязательно поставит во главе армии... — погонщик загадочно улыбнулся.

Пауки нетерпеливо топтались, мечтая поскорее выбраться из небольшого мощеного дворика на простор. Наконец, пробежав под ржавой решеткой, они взмыли к звездам.

Очередной ночной полет, как и раньше, сопровождался свистом крыльев, ветром, бьющим в лицо, и ощущением невероятной свободы. Хепат распевал любимую песню гномов царства Вармина.

Конан, запрокинув голову, смотрел на звезды — призывающе подмигивающие, пробуждающие непонятную, почти детскую тоску не то по дому, не то по недостижимому блестящему царству богов.

Но остров был невелик, и пауки скоро опустились, перешли на бег, а затем и вовсе остановились. Конан почему-то был уверен, что они, так же, как и он, недовольны коротким полетом... Не дали развернуться бедным животным! Не позволили в полной мере

насладиться свободой...

Погонщик увел «скакунов» в ближайшую пещеру, а Конан с Хепатом прилегли под деревом, решив дождаться рассвета.

Утром, взвалив на плечи котомки, друзья двинулись в направлении лагеря захватчиков.

— Странно... — заметил гном, — почему он, этот хитрый Азинф, уверен, что она тебя обязательно сделает генералом?

Конан, нахмурившись, предположил:

— Возможно, мы с ней встречались раньше...

— Может, это рыжая разбойница, о которой ты рассказывал? Как ее?.. Рыжий Ястреб?

Конан долго молчал. Недовольно косился на семенящего рядом Хепата, не к месту вспомнившего старую историю. Гном, чувствуя нетерпение друга, почти бежал, часто спотыкался о норки сурков, несколько раз падал и был у самой земли подхвачен мощной рукой киммерийца.

— Не подходит рыжей прозвище Звездная Ведьма... — сказал он скорее себе, чем Хепату, — это, возможно, подошло бы... Н-да... Ну, посмотрим...

Остров густо порос лесом, и тропинка, на которую утром вступили друзья, весело петляла среди деревьев. Косые лучи солнца, пробивающиеся сквозь кроны, разбудили дриад, тени которых то и дело мелькали в густой листве.

Иногда казалось, что впереди, на тропе, в ожидании трепещет стройное, обнаженное тело молодой лесной нимфы, но всякий раз это оказывалось обманом. А может, дриада успевала превратиться в небольшое дерево или изящную, гибкую лиану?

Вскоре вышли к небольшой речке, на излучине которой расположилась лагерем армия наемников.

— Тут должны быть часовые... — Конан оглядел ближайшие кусты, — нас задержат и проводят к этой самой... Звездной...

По веткам скакали белки, пели птицы, радуясь новому дню, где-то вдали слышался звериный рык. Часовых не было.

— Они еще не проснулись, — захихикал гном.

Свистнула стрела и вонзилась в землю у его ног.

— Стой спокойно, — Конан поднял руку в знак того, что пришел с миром.

Через несколько мгновений друзья были окружены десятком вооруженных людей. Украшенные шрамами гладко выбритые лица наемников, зверские бородатые физиономии лесовиков, хмурые чернокожие лица с вывернутыми губами и разрисованными щеками, копья, луки, мечи, топоры... Армия Ведьмы состояла из разного сброва.

— Кто такие и куда идете? — спросил грубый голос.

— Наемники с Севера, — спокойно ответил Конан, ища глазами задавшего вопрос, — слышали, что готовится славный поход, хорошая пожива...

— А этот, — огромный чернокожий воин ткнул копьем в сторону Хепата, — тоже наемник? Часто ли его нанимают? И для чего?!

Несколько грубоватых смешков взбесили гнома.

— А ты, большая обезьяна, помолчи! — выкрикнул он и двумя руками оттопырил нижнюю губу так, что она почти коснулась груди.

На минуту воцарилась удивленная тишина, затем негр заревел рассерженным быком и бросил копье, целясь дерзкому гному в грудь.

Свистнул меч Конана, и копье упало к ногам Хепата в виде двух половинок. Солдаты

вмог образовали круг, в центре которого оказались, бешено вращающий глазами негр, Хепат и Конан.

Негр потряс рукой с растопыренными пальцами, и кто-то из товарищей бросил ему меч. Чернокожий воин радостно завыл и кинулся на Конана. Но через мгновение растерянно смотрел на обломок меча в руке. Опять повернулся к товарищам, и на сей раз ему бросили топор. Тяжеленный кусок железа на дубовой, окованной медью рукоятке.

Ощущая приятную, надежную тяжесть грозного оружия, негр рассмеялся. С рычанием размахнулся и... разочарованно опустил руки. Тяжесть вдруг исчезла. Топор валялся у его ног а в кисти остался жалкий обрубок рукоятки.

— Такой быстроты я еще не видел! — воскликнул один из наемников, по виду главный на этом посту, — Вложи в ножны меч, герой, ты нам переломаешь все оружие! И добро пожаловать в нашу армию!

Под одобрительное ворчание солдат Конан спрятал меч, а Хепат незаметно сунул в ножны фамильный кинжал.

Обстановка разрядилась. Послышался смех, шутки. Негр качал головой и массировал кисть. Один из наемников удрученно держал в руках обломки меча.,

— Перекалили, — бормотал он, — неумелые горе-кузнецы! Хорошо, что я не успел пойти в бой с этим мечом...

* * *

Цветной шатер Звездной Ведьмы возвышался среди походных палаток наемников, как гора среди холмов. После короткого доклада Конана провели внутрь.

В окружении сурового вида генералов стояла стройная красавица с небрежно разбросанными по плечам иссиня-черными волосами и блестящими, смеющимися глазами.

— Кром! — вскричал Конан. — Я так и думал, что это окажешься ты!

Генералы удивленно переглянулись. Этот бродяга близко знаком с госпожой?!

Ведьма сделала шаг и внезапно очутилась рядом. Погладила гладко выбритые щеки Конана, попыталась разгладить морщины на лбу...

— Ты ведь не забыл свою Итилию, правда? — в черных глазах женщины запрыгали знакомые до боли чертики.

— Подожди, во имя всех богов! Меня ведь наняли убить тебя!..

— Я знаю, — промурлыкала женщина, — знаю... У меня хорошие осведомители.

Затем, слегка отстранившись, внимательно посмотрела на смущенного богатыря.

— Так ты намерен выполнить эту работу, и тебя можно перекупить?

— Теперь я в любом случае на твоей стороне... Но если перекупишь — это будет еще лучше, — Конан усмехнулся, — и скажи — зачем тебе понадобился этот остров?

Дело не в острове, Конан. Я узнала, что этот замок, где сидит старая карга, раньше принадлежал моему отцу. Да, — продолжала Итилия грустно, — я происхожу из весьма знатного рода. Карга хитростью завладела замком, а его прежних хозяев и их детей продала в рабство...

Лицо Конана потемнело.

— Клянусь, она заплатит за это! Я помогу тебе захватить цитадель.

Твоя помощь понадобится позже. Захватить замок не составит труда — ворота нам

откроют: у меня повсюду друзья...

Итилия замолчала, и Конан понял, что она не хочет говорить лишнего в присутствии своих генералов.

— В темных лабиринтах замка есть секреты, которые мы должны разгадать...

— Понятно... — кивнул Конан; — дойдет до дела — разгадаем. А пока не хочешь ли увидеть старого друга? Эй, позовите сюда Хепата!

— Пока все идет по плану королевы — я вошел к тебе в доверие и возглавил армию, — расхохотался Конан после того, как Итилия представила его обескураженным генералам как нового командующего. Умудренные годами и сединами генералы удалились переваривать странное назначение гиганта-варвара на столь ответственный пост, а Конан, Итилия и Хепат сели, наконец, за стол.

— Не смейся. Стая карга очень хитра. Она знала, что мы знакомы, она точно рассчитала, что я назначу тебя командующим... И, конечно, она поняла, что ты перейдешь на мою сторону... Тут какая-то хитрость, Конан...

— А может, она рассчитывала на его жадность? — прошамкал Хепат с набитым ртом. — Хоть и знакомы, но тут такие деньги!..

— И, думаешь, она не допускала мысли, что я могу перекупить героя? — улыбнулась Итилия. — Ей ведь известно о моем богатстве! Нет, нет... она все рассчитала заранее!..

— Не приписываешь ли ты старой королеве слишком много ума? Может, она просто хваталась за соломинку? Думая, что огромные деньги все-таки сделают свое дело?..

— Не называй ее королевой! — вскричала Итилия. — Она — узурпатор! Она просто хитрая карга! Я мечтаю, чтобы она живой попала мне в руки!..

— Значит, настоящая королева — ты? — Хепат с почтением уставился на женщину. — Имена такой и должна быть королева! А то я смотрю...

— Да, я королева по рождению... Если, конечно, нет в живых никого из моих братьев... Нас было семеро. Шесть братьев и я...

— Если короле... гм, старая карга так хитра — в чем же ее расчет? — вернулся к теме Конан.

— Не знаю... Даже не могу предположить... — Итилия досадливо поджала губки.

Затем показала на клевавшего носом, изрядно захмелевшего Хепата:

— Я приказала разбить ему палатку невдалеке от моей... нашей... Отнеси его и возвращайся ко мне!

— Слушаюсь, моя королева! — гаркнул Конан и, взвалив на плечо гнома, преувеличенно твердым шагом вышел из шатра.

— Конан, — забормотал вдруг Хепат, — Конан, знаешь, когда проживешь достаточно долго... мир наполняется призраками!.. Они повсюду! Они — в нас, Конан... Прежде всего в нас!.. Почему, почему мне все время вспоминается мой позор? Почему не всплывают моменты триумфа? Ведь были и такие минуты! Были! Нет... Призраки... Призраки, Конан, это не полупрозрачные фигуры, плывущие в ночи!.. Нет... Это наша память!..

Конан опустил Хепата на траву, не донеся до палатки. Слова гнома потрясли его. Он слишком много выпил? Или вино помогло ему что-то понять?..

— Призраки, Конан, — это наша память!.. — продолжал в забытьи Хепат, — наша больная память!.. Наша душа, бедная, измученная душа! Призраки вокруг! Оглянись! Разве, глянув на пригород, ты не вспоминаешь тех, кого убил на таком же пригорке?! Разве их души не тревожат тебя, Конан? А призраки моих братьев?.. Они — со мной... Постоянно со мной... Как и тех — волосатых, длинноруких обезьян... Скольких я убил? Зачем? Почему живые существа убивают друг друга?! Разве мало им места на земле?! Ответь, Конан, ответь!!

Конан смущенно пробормотал:

— Я не знаю... Так повелось... Так было всегда...

— Убить!.. Это проще всего! Самое простое для того, чтобы завладеть чужим богатством, замком, имуществом... Убить — и забрать! Гораздо проще, чем построить, найти, вырастить...

Киммериец молча внимал горячечному бреду пьяного гнома. Бреду?.. Он задает вопросы, на которые никто никогда не сумеет ответить... Даже через много тысяч лет...

— Все существа — люди, гномы, волки, шакалы, олени... — все сбиваются в стаи! — шептал Хепат, — почему? В стае проще выжить... Но в этой же стае есть такие твари, что начинаешь мечтать об одинокой жизни!.. Один... В лесу... В пещерах... Один — без стаи! Но так не бывает... Все выжили только потому, что сбились в стаю... Но призраки... не дают им... спокойно жить...

Хепат открыл глаза — блестящие и затуманенные. Схватил Конана за руку, сжал...

— Скажи, Конан, тебя не преследует память, призраки?

— Спи... Я отнесу тебя... — Конан поднял вновь заснувшего Хепата и, стараясь не слишком его трясти, бережно понес в палатку.

* * *

Аль-Джезред проснулся в плохом настроении! и с головной болью. Всю ночь, в мучительном полусне, он пытался разгадать замысел своей госпожи. Зачем хитрая старуха велела найти этого варвара? Ясно, что он перейдет на сторону Ведьмы... Для чего это ей — королеве?! Этот киммериец — отличный воин. Зачем же усиливать соперницу?! Надеется, что они, обладая каждый независимым характером, поссорятся? Слабая надежда... Попытается как-то повлиять на Конана когда он встанет во главе армии? Но как?

И тут придворного мага бросило в жар. Ведь она — хитрая и наивная старуха, свято верящая! в колдовство, может дать такое задание ему — великому магу Аль-Джезреду! А стоило кому-то из слуг не выполнить задание!.. Эта ее отвратительная змея вечно голодна! Из-за ползучей гадины, он стал ненавидеть прекрасное имя — Глайя. Когда-то у него была рабыня с таким именем... Нежная и чувствительная! Теперь же память показывает не соблазнительные изгибы тела девушки, а мерзкие кольца гигантской змеи!..

Наивная вера старухи в магию позволила легко заморочить ей голову двумя-тремя обычными фокусами... Стать придворным магом! Но настоящая магия!.. Аль-Джезред поежился. Настоящая, она, конечно, существует... Где-то... Все придворные колдуны, которых он знал — были чистейшей воды шарлатанами! Как и его отец, и отец его отца... Они были просто фокусниками... И вот теперь старуха может потребовать воздействовать магией на этого гиганта-варвара!

Аль-Джезред сжал сухие ладони, чувствуя между пальцев холод. Мысли понеслись вскачь. Придворный маг вскочил и в волнении забегал по комнате. Заключить тайный мир с Конаном и Ведьмой? Отдать им замок, сохранив за собой высокий пост придворного мага? Да, но... там... в подвалах... в бесконечных лабиринтах замка... Он иногда по ночам слышит...

И все же — если старуха даст задание — придется рискнуть... Придется тайно лететь к Конану.

Приняв решение, Аль-Джезред почувствовал себя лучше. Вздохнув, он трижды хлопнул в ладоши, и в комнату вбежали молодые рабыни в легких прозрачных одеждах. Весело щебеча и стараясь чаще прикасаться к своему господину легкими, воздушными ручками, девушки, выполняя обычный утренний ритуал, облачили его в пышные одежды придворного мага.

Старуха величественно восседала на троне, вокруг которого как всегда обвилась змея. И казалось, что королева сидит не на золотом высоком кресле, а произрастает, подобно мерзкой орхидеи, прямо из средины пульсирующих колец гадины. Аль-Джезред очень надеялся, что его истинные чувства надежно скрыты под маской учтивости. Как всегда, он мелкими, подобострастными шажками приблизился к трону и, сделав изрядное усилие, погладил змею по плоской голове. Гадина высунула холодный, раздвоенный язык. Все как обычно, за исключением одного — в зале был кто-то еще.

Аль-Джезред чувствовал присутствие еще одного человека. Может, все же у него есть определенные задатки мага?

Огромный, гулкий, пустой, за исключением трона, зал подавлял. Так и было задумано когда-то старухой. Захватив замок, она приказала перенести трон в это помещение... Он, Аль-Джезред, в те времена был юношей, а она уже тогда старухой! Она всегда была старухой! Невозможно представить молодой эту хитрую бестию!

Ощущение присутствия кого-то невидимого усилилось. Сильная, могучая личность! Человек — человек ли? — умеющий становиться невидимым. Возможно, настоящий маг, вызванный откуда-то старухой... Или — демон? Или... или — оттуда? Из подвалов? Нет, нет... Там другое...

Аль-Джезред отвесил самый изысканный поклон, на который оказался способен в такой ситуации.

— Ваше величество, почему вы прячете Его от меня?

Старуха удовлетворенно кивнула и щелкнула пальцами, как заправский фокусник. И тот, что стоял рядом с троном — проявился... Внушительная фигура в простой одежде и с грубым лицом. По, приглядевшись, Аль-Джезред заметил на голове незнакомца небольшие рожки.

По залу прошелестел сквозняк. Спине стало холодно. Значит, демон? А, собственно, какие они? Несмотря на все рассказы королеве о демонах — он их ни разу не видел. Порой даже сомневался в существовании этой расы нелюдей. И вот...

Придворный маг и странный пришелец молча, в упор смотрели друг на друга.

«А смог бы я приделать себе рожки? — вдруг подумал Аль-Джезред. — Конечно, смог бы!.. Так может, он тоже фокусник, этот демон? Не похоже, не похоже...»

— Это мой придворный маг, Аль-Джезред, — говорила между тем старуха, указывая на него костлявым согнутым пальцем. Демон кивнул, спутанные черные волосы на голове качнулись, и стали лучше видны рожки.

Меньше коровьих, но более толстые... Маг также склонил голову в знак приветствия.

— Я рад встретить в этом древнем замке собрата по профессии, — церемонно проговорил он, ощущая всю фальшь пышных слов.

Лицо рогатого оставалось неподвижным и бесстрастным. Лишь глаза горели странным огнем.

В темноте, вероятно, они светятся... горят... Как у волка. Так демон это или нет? Аль-Джезред Старался мыслить четко и спокойно. Рога... Но если это не фокус — рога могут быть... Просто иногда рождаются уроды... Этот родился с рогами Его и стали почитать за демона. А он, может быть, просто мужлан!.. Нет... нет, не мужлан. Чувствуется сила... Хотя, разве мужланы не могут, быть сильными?

— Вы, ваше величество, усомнились в моих способностях? — небрежно сказал маг. — Призвали демона... Разве я когда-то не справился с заданием

Старуха вдруг ощерилась, показав черные гнилые зубы.

— С этим заданием ты можешь и не справиться! Тогда справится он! — королева постепенно успокоилась и поудобнее уселась на троне.

— Ты должен, — продолжала она, опершись рукой о пульсирующее тело своей любимицы Глайи, — ты должен...

— Я знаю — спокойно перебил Аль-Джезред, — я должен заколдовать Конана.

Старуха удивленно взглянула на придворного мага, затем бросила взгляд на демона.

— Верно... Ты все же чего-то стоишь! — она опять переглянулась с пришельцем. — Ты должен поссорить Конана с Ведьмой и заставить его перейти на нашу сторону.

— И пусть он доставит ее сюда, как пленницу, — добавил демон.

Голос у него, как и следовало ожидать, был низким и хриплым. Почти нечеловеческим. И в то же время, так мог говорить много пьющий мужик, обладающий природным басом. Да... но королева не отрицала того, что призвала демона... Может, это ее очередная хитрость?

Аль-Джезред с достоинством поклонился и, пятясь, чтобы не поворачиваться к страшной старухе спиной, стал удаляться. Это он в свое время ввел такую церемонию — представший пред светлые очи королевы не смел поворачиваться к ней задом... Пожилые придворные, вынужденные перенять этот глупый ритуал, были очень недовольны. Пятясь задом, часто спотыкались и падали, чем доставляли старухе истинное наслаждение.

Покинув тронный зал, маг тяжелым шагом прошествовал в южное крыло цитадели, где занимал несколько комнат. Встречавшиеся обитатели замка — рабы, воины, придворные — останавливались и низко кланялись великому магу. Не отвечая на поклоны, Аль-Джезред тяжело шагал по длинным коридорам древнего замка, рассеянно перебирая в памяти разговор со старухой. Значит, поссорить Конана и Ведьму... Может, прилететь к ним и попробовать сделать это с помощью лести и хитрости? Нет... не сработает... Душа сурового киммерийца не приемлет интриг... Придется перейти на их сторону и помочь захватить замок. Но... там... в подвалах... Как быть с тем?..

Достигнув, наконец, своих комнат, Аль-Джезред облегченно вздохнул. В любом случае, он может еще много раз покидать замок и возвращаться обратно. Нужно припрятать где-то сокровища... Подготовиться к новому жизненному этапу...

После ухода придворного мага старуха сухо усмехнулась.

— Этот шарлатан полетит к Конану предавать меня. И постарается спрятать все то, что сумел наворовать. Нужно проследить, где он устроит тайник.

Демон молча наклонил рогатую голову.

— Кроме того, нужно уже сегодня околдовать киммерийца. Пусть захватит Ведьму и летит к нам на пауках. Армию распустит. Ты, вызванный мною из нижних пределов — сможешь ли ты это сделать?

Демон вновь кивнул и медленно растаял в воздухе.

Старуха погладила огромную плоскую голову Глайи и удовлетворенно захихикала.

* * *

Поход армии Звездной Ведьмы назначили на следующее утро. День проходил в обычных заботах. Солдаты чистили лошадей, готовили оружие, в котелках варились походная каша с солониной. Генералы собирались на совещание в шатер Италии. Конан рассматривал наспех составленную карту острова.

При небольших размерах, этот когда-то откололшийся от материка кусок суши с дымящимися горами и густыми джунглями представлял собой сплошную полосу препятствий. Решили двигаться вдоль побережья. Самым длинным, но наименее трудным путем.

Внезапно Конан почувствовал странное головокружение. Опершись на Хепата, он застыл с побелевшим лицом. Итилия и генералы с тревогой наблюдали за неожиданным приступом.

«Захватить Ведьму, распустить армию... Привезти Ведьму в замок» — непрерывно звучало у него в голове. Чужие слова, как удары огромного молота, оглушали, требовали немедленного действия. Невероятным усилием воли Конан сохранял сознание. Чувствуя, как предает его разум, как наваливается мутная пелена чужого влияния, киммериец сквозь зубы отдал последний приказ — связать его и не слушать, что бы он ни говорил...

Потрясенный Хепат и генералы быстро и молча выполнили приказ. Конан выгибался, пытаясь разорвать веревки. С пеной на губах, сыпал отборными проклятиями.

— Что с ним? — кричала Итилия, тряся Хепата. — Во имя богов — что с ним?!

— Я... я не знаю! — отбивался гном. — Такого никогда не было...

— Он сам попросил, чтобы его связали... — сказал один из генералов. — Он чувствовал, что надвигается безумие!

— Может, пройдет... — Хепат чуть не плакал, — тогда он нам все объяснит...

— Придворный маг Аль-Джезред на прием к ее величеству Звездной Ведьме! — скороговоркой объявил стражник, на миг показавшись в шатре.

Фокусник вошел, стараясь ступить спокойно и величественно. Но во всей его поникшей фигуре чувствовалось отчаяние. Окинув взглядом присутствующих, заметив в углу связанного Конана и мигом разобравшись в ситуации, Аль-Джезред с поклоном сказал:

— К сожалению, я опоздал... Демон, вызванный старухой, уже околдовал героя... Я мчался, надеясь успеть... предотвратить...

— Ты знаешь, что с ним? — Итилия с состраданием взглянула на Конана.

— Да. Старуха замыслила околдовать его и заставить предать тебя, великую Ведьму! Он должен был распустить армию и доставить тебя в замок, как пленницу.

— Теперь все понятно, — задумчиво протянула Итилия. — Что ты можешь сделать, чтобы помочь ему?

— Ничего, — мрачно ответил фокусник. — Тут нужен настоящий... — он запнулся, но

затем мужественно закончил: — Настоящий волшебник!

Хепат, переминаясь с ноги на ногу, мрачно рассматривал носки своих сапог. Скрипел зубами Конан. Надсадно дышал кто-то из генералов.

Внезапно гном вскинул голову:

— Есть настоящий! Я могу слетать за ним на пауке!

— Как его имя? — деловито осведомился Аль-Джезред: всех мошенников в округе он хорошо знал.

— Его зовут Эскиламп, — гном посмотрел на просветлевшее лицо Итилии. — Он сумеет помочь!

— Конечно, Эскиламп! Как я сама не догадалась?! — и ее величество Звездная Ведьма при всех обняла и расцеловала покрасневшего гнома.

Погонщик Азинф — помощник Аль-Джезреда — прятавшийся с пауками в пещере в ожидании успешного плена Звездной Ведьмы, был введен в курс последних событий и согласился вместе с Хепатом доставить в лагерь столь необходимого сейчас волшебника Эскилампа.

Выступление армии пришлось отложить на неопределенное время. Часы просветления Конана чередовались с долгими часами мучительной тьмы, когда страшный голос демона приказывал распустить армию, взять в плен Ведьму, доставить ее в замок... Пребывая в нормальном состоянии, Конан позволял себя развязать. Он подолгу беседовал с Аль-Джезредом, расспрашивал о тайнах замка, его устройстве. Но чувствуя приближение припадка, воин ложился и сам проверял, крепко ли его связывают.

Так проходили дни и ночи. Наконец, под утро, на площадке перед шатром послышался звонкий смех Эскилампа. Что-то радостно пищал Хепат. Галдели солдаты — гном заставил пауков приземлиться посреди лагеря.

Конан был без сознания, когда волшебник озабоченно осматривал его.

— Как выглядел демон?

Аль-Джезред в нескольких словах описал мужика с рогами.

— Из низших, — презрительно скривился Эскиламп и принялся чертить на утоптанной земле непонятные знаки.

Конан пришел в себя и спокойно наблюдал за действиями колдуна. Тот, ощущив взгляд киммерийца, приветственно отмахнулся ладонью, продолжая бормотать заклинания и заканчивая очерчивать круг, линии которого тут же запылали голубоватым светом.

Волшебник выпрямился и на сей раз громко и властно произнес короткое призывающее заклинание.

В огненном кольце появился рычащий от негодования рогатый демон. Но, увидев Эскилампа, затих и смиренно произнес:

— Я узнаю тебя, Покоритель Нижнего Мира. Чего ты требуешь от меня?

— Сними чары с Конана, — коротко ответил колдун.

— А если я откажусь? — низкий голос демона вновь стал походить на рычание.

Эскиламп щелкнул пальцами, и пламя охватило грубую фигуру рогатого.

И да снизойдет на тебя боль! — волшебник сделал знак, и демон завыл низким волчьим голосом.

— Хорошо! Хорошо! — кричал он, корчась от нестерпимой боли. — Я сниму чары... Но королева... Она, накопив сил, может вызвать меня вновь...

— О ней не беспокойся, — усмехнулся Эскиламп.

В шатре стояла напряженная тишина, пока демон колдовал над Конаном. Закончив, он сверкнул глазами на Итилию.

— Ты станешь королевой на миг, не более... Это я вижу четко...

— А теперь — сгинь! — крикнул Эскиламп, и демон постепенно стал терять материальность.

Освобожденный от веревок Конан с удовольствием расправил плечи.

— Я думаю, выступать нужно не медля! Пока старуха не опомнилась!

На следующий день армия походным строем двинулась в направлении замка.

— Где же твои шпионы, которые должны были открыть нам ворота? — Конан с Итилией рассматривали неприступные, уходящие в поднебесье замшелые стены замка.

Небо хмурилось. Шел мелкий дождь. Вершины башен окутывали облака, будто желая спрятать их от взоров осаждающих.

Шпионы? — рассеянно спросила женщина. — Вон они... — она указала на установленные перед воротами виселицы, на которых раскачивались на ветру трое повешенных.

Я не могу вернуться в замок, — печально сказал Аль-Джезред. — Старая карга, конечно, уже поняла, что я перешел на вашу сторону... Замок придется брать. Я знаю, как построить метательные машины. Огромными камнями мы разобьем стены...

Конан мрачно посмотрел на бывшего придворного мага. Капли дождя стекали по грустному лицу фокусника, и казалось, что он оплакивает свою прежнюю жизнь.

— На это потребуется много времени. Нужно искать другой путь.

К ночи дождь усилился. Водяные струи, подстегнутые ветром, били в лицо, стегали по глазам, как голые осенние ветви в лесу.

Конан решил с несколькими добровольцами перелететь на пауках через стену, перебить охрану и открыть ворота.

Выяснилось, что пауки смогут взлететь с тремя — не более — седоками. На одного, позади погонщика, взгромоздился Конан с добровольцем из наемников — невысоким, но плотным и сильным солдатом. Трое других, ворча, уселись на второго «скаакуна». Все было готово для внезапнойочной атаки. В ближайшем лесу расположился передовой отряд штурмовиков, состоящий из конных и пеших воинов — самых отъявленных головорезов, готовых за дополнительную плату на любые подвиги. Чуть дальше стояла армия в состоянии полной боевой готовности. Дождь и мрак пришли как нельзя кстати. |

Ворота, по словам Аль-Джезреда, охраняли не более десяти человек. Пятеро против десяти... А это в том случае, если карга не усилила охрану. А она, конечно же, усилила...

— Будем считать, что их человек двадцать, — сказал напоследок Конан. — В бой вступать только с теми, кто стоит на пути к механизму подъема ворот! И да помогут нам Кром и... все другие боги!

Хепат, очень недовольный тем, что его не взяли в передовой отряд, ворчал:

— Тут уж, скорее, нужно призывать на помощь демонов... Боги, как я заметил, редко вмешиваются в дела людей.

— Демоны — тоже, — заметил Эскиламп, надвинув капюшон на самые глаза, — у них у

всех свои заботы. Они расходуют энергию в иных сферах... Им просто неинтересно наше копошение в грязи... Пауки черной тенью взмыли в темное клубящееся небо. На миг Конана накрыла серая мгла, а когда прояснилось — оказалось, что он уже находится по другую сторону стены. Часовых на барбакане не было. Возможно, они просто не хотели мокнуть и укрылись внутри башни.

— Боги дают нам шанс напасть внезапно, — прошептал Конан.

В ту же минуту шанс, данный богами, улетучился.

— Тревога! — завопил погонщик, решивший, очевидно, что служба у старухи более выгодна, нежели у Звездной Ведьмы.

Выхватывая меч, Конан в сердцах выругался, посылая последние проклятия уже вслед катящейся по лужам голове Азинфа.

— Дурак, он мог выбрать богатство, а выбрал смерть!

Из дверей барбакана высекали солдаты с факелами в одной руке и мечами в другой.

— Рассыпаться, затем — к воротам! — рявкал Конан.

Хорошо обученные, привычные ко всему наемники вжались в стену, попрятались по углам ближайших строений, исчезли в тени. Охранники, с криками носились по мощеному двору, пытаясь в неверном свете гаснущих под проливным дождем факелов найти нападающих.

Временами, в разных местах слышался шум коротких столкновений. Солдаты бежали к месту битвы и находили, как правило, одного или двух товарищей, ничком лежавших на мостовой в красной, пузырящейся от дождя луже.

Короткими перебежками Конан достиг башни. Перед механизмом подъема решетки с обнаженными ятаганами стояли двое солдат. Увидев перед собой гиганта с огромным окровавленным мечом, солдаты — совсем молодые, с испуганными глазами — побросали оружие и протянули пустые ладони.

— Поднимайте! — Конан указал мечом на рычаги.

Солдаты закивали и поспешили выполнить приказ нового командира.

* * *

Вскоре армия Звездной Ведьмы разместилась за стенами, перед цитаделью. Большинство защитников сдались без боя, немногие, пытавшиеся оказать сопротивление, были безжалостно убиты.

Замок занимал огромную территорию. Аль-Джезред рассказывал: когда он, по приказу старухи, обезжал посты, расположенные на стенах и башнях — на это уходил весь день. Если же просто скакать вдоль стены — можно управиться в половину дня. Но тогда старухе доносили — у нее повсюду были шпионы — придворный маг Проверял посты недобросовестно.

Огромная территория была огорожена этой старой, замшелой, высокой и толстой стеной. И посредине гигантским плато возвышалась неимоверной высоты цитадель. Нагромождение царапающих небо башен и стен, скрывающих многоэтажный лабиринт коридоров, залов, переходов, тайных и явных ходов, бездонных колодцев-ловушек и комнат со смыкающимися стенами. Аль-Джезред утверждал, что обойти весь замок невозможно. Просто-напросто не хватит жизни, даже если иметь план всех этажей, тайных ходов и

помещений, и не блуждать попусту. Но такого плана не было даже у старухи.

Он, Аль-Джезред, в разное время посыпал людей на разведку в нижние, подземные этажи замка. Никто не вернулся. Поэтому неизвестно даже количество подземных ярусов. Очевидно, древние строители брали камень только у себя под ногами. Замок рос одновременно вверх и вниз...

— Это воистину чудовищное сооружение! — с восхищением и ужасом говорил бывший придворный маг. — Вы только представьте: цитадель тянется к небу, доставая в пасмурную погоду до облаков вершинами башен... и настолько же, если не больше, уходит вниз!.. Внизу все изрыто ходами! Там еще с незапамятных времен поселились... нечто...

— Я знаю, — перебила Итилия, — я собирала предания, слухи, рассказы о нашем фамильном замке...

Конан, Аль-Джезред и Итилия стояли на стене рядом с бараканом, разглядывая неприступную цитадель. И какой же маленькой казалась им стена, по сравнению с возвышающейся перед ними крепостью!

— Кто же и когда построил эту громадину? — Конан невольно любовался неприступной красотой этой рукотворной каменной горы.

— Построили задолго до того, как тут обосновались мои предки... Кто — неизвестно: древние строители давно покинули эти места. Может быть, просто вымерли... Говорили, в переходах иногда находили кости и черепа... Не такие, как у нас... Кости были гораздо больше...

— А черепа? — спросил Конан. Он вспомнил, тайную комнату-склеп в замке лорда Брикхейма, его рогатых предков и потомков.

— Черепа?.. Точно не известно... Но что не человеческие — об этом говорят все легенды.

— Кто бы ни были эти древние строители — они воздвигли колоссальное сооружение! А под ним — пустота, — Аль-Джезред затопал ногами, и показалось, что стена и земля под ней загудели, как гигантский пустой котел.

— Так кто, или что, живет в подвалах? — Конан посмотрел в черные глаза Итилии. — Нам придется с ним сражаться?

— С ним сражаться невозможно... Я потом все расскажу подробно...

— Кроме Того, что обитает где-то в самом низу, тут водятся еще и другие твари... Некоторых мы приучили. Пауков, например. Но есть и дикие пауки. Они — не такие. Плетут паутину... как и положено... ловят добычу... Еще где-то по лабиринтам ползает эта ее отвратительная змея — Глайя! Этот пульсирующий удав длинной во весь тронный зал! Где она живет — я не знаю... И не знаю — много ли еще таких тварей водится в лабиринтах... Я уж не говорю о летучих мышах величиной с теленка, которые давно разучились летать и время от времени выползают в жилые помещения... Есть и другие, о которых я только слышал...

— Но все эти твари должны чем-то питаться! — воскликнул Конан.

— Кто знает... Может быть, они пожирают друг друга?..

— Сколько человек постоянно живет в цитадели? — спросила Итилия.

— Несколько тысяч... Люди прибывают... и исчезают. Многих старуха скормила змее!..

— За какие грехи?

— За непослушание, невыполнение приказа, непочтительность...

На стену поднялись Эскиламп и Хепат.

— Старушка попыталась вызвать демона — Нашего старого знакомого, но я сумел ей помешать, — весело сказал волшебник, окинув товарищей быстрым взором.

— И что? — спросил Конан.

— Что? — не понял волшебник.

— Что дальше?

— Ну... дальше она опять может пытаться через пару дней, если накопит энергию...

Опять помешаю...

— А потом?

— А потом вы возьмете цитадель! — Эскиламп, заметно помрачнев, взглянув на неприступные стены.

— Так, значит, эта короле... старая карга тоже знакома с магией? — вклинился Хепат.

— С магией знакомы многие, но не многие могут называться магами!

Аль-Джезред откашлялся:

— Дело-то не в названии... Я, вот, был придворным магом...

— Ты останешься им и впредь, — заверила Итилия, — все равно другого у меня нет.

Она выразительно посмотрела на Эскилампа.

— Когда закончит обучение наш маленький друг Дриан — лет через двадцать — я его тебе пришлю! — колдун весело рассмеялся.

Снизу раздавались пьяные голоса, кто-то затянул бравую песню наемников.

— Разграбили одну из местных харчевен! — с досадой сказала Итилия. — Я приказала, чтобы этого не повторялось. Но они успели выпить вина — бочек десять! Хватит надолго!

— Право победителя, — усмехнулся Конан, — если не пограбить — зачем тогда и воевать?

— Но получается, что они грабят уже меня! — сверкнула глазами Итилия.

— Ты еще не хозяйка, — вздохнул Конан, — и неизвестно, как оно все сложиться... А вина хватит им на пару дней, не больше. К этому времени мы должны придумать, как взять цитадель!

Трудный день заканчивался. Огромное солнце величественно отправилось на отдых, неспешно опускаясь за горизонт. Впереди темнела немыслимая громада цитадели. Ее дальние башни уже погрузились во тьму.

— Старушка не придумает какой-нибудь пакости, — осведомился Эскиламп, — вроде ночной вылазки, с целью перебить солдат, осмелившихся пить ее вино?

— Нет... скорее всего, нет, — ответил придворный маг, — солдат у нее немного, все больше рабы... Вот, разве, выпустит из подвалов какую-нибудь нечисть...

— Какую, например? — насторожился Хепат.

— Ну, тебе-то, уважаемый гном, бояться нечего, — продолжал Аль-Джезред, — тебя они и не заметят!

— Захохотав, он повернулся к заходящему солнцу, как бы отдавая последнюю дань великому дарителю жизни.

Но тут же, онемев от негодования, вновь повернулся к Хепату, готовый разорвать его на мелкие кусочки: тот попросту дал великому придворному магу пинка. Но, поскольку зад мага находился всего-то чуть ниже лица гнома, ногу пришлось задирать так высоко, что Хепат не удержался и грохнулся наземь.

Конан хотел так, что пьяные наемники внизу замолкли в недоумении. Эскиламп не мог отдышаться и беспрерывно вытирал слезы. Итилия, сотрясаясь от неудержимого смеха,

попыталаась примирить врагов, но успеха не достигла.

Аль-Джезред, как человек весьма закаленный в придворных баталиях, принял самое мудрое решение: посмотрел на Хепата, как на расшалившегося ребенка и многозначительно промолчал.

* * *

Волосы Итилии в сумерках сливались с надвигающейся чернотой южной ночи. В глазах плясали огоньки костра, разведенного у самой ямы. Наёмники, ворча, что они воины, а не землекопы, вгрызались в землю, как кроты. На глубине в три человеческих роста начали ставить крепления и намечать направление будущего тоннеля.

Подкоп — это была единственная возможность попытаться пробраться в цитадель. В данной ситуации — самая надежная.

Испокон веку крепости брали несколькими способами. Штурмом — с приставными лестницами и деревянными подвижными башнями. Солдаты, обезумев от страха и возбуждения, исторгая из глоток нечеловеческий рев, как муравьи, лезли на стены. А сверху лилась расплавленная смола или просто кипяток, сыпались камни, град стрел и насмешек. Длинными шестами с развилкой на конце защитники отталкивали лестницы от стен, и нападающие, завывая, падали на камни, обагренные кровью их товарищей.

И лежа среди обожженных, исковерканных тел, в последней предсмертной тоске солдаты проклинали эту жизнь, войну и генералов, погнавших их, как скот, на бойню.

Но иногда штурм бывал успешным. Если стены — не слишком высокие, защитников — не слишком много, и нападающие многократно превосходят их количеством и качеством — боевым духом зверя. Рычащего, сеющего смерть, разрывающего на куски кровавую плоть, зверя. И захватив крепость, солдаты еще долго не превращались обратно в людей — с рычанием, забрызганые кровью, они убивали, насиливали, грабили, снова убивали...

Они мстили за погибших товарищей тем, кто не был виноват в их гибели — оставшимся в живых женщинам, детям, старикам...

Часто нападающие строили или привозили с собой огромные метательные машины. И долгими неделями, а то и месяцами бомбардировали стены крепости. Чаще всего огромные камни бесполезно тыкались в землю, не долетая до цели. Либо стены выдерживали любые удары. И тогда приходилось идти на штурм с приставными лестницами... Деревянная башня на колесах была, конечно, лучше лестниц, но ее чаще всего сжигали задолго до того, как она успевала подползти к стенам.

Еще использовался таран. Огромное бревно, Подвешенное в передвижном станке на цепях и окованное железом, при должном упорстве и хорошей раскачке разбивало ворота. И хотя над людьми, раскаивающими бревно, бывала деревянная крыша — защита от стрел и камней — она также сгорала довольно быстро, стоило защитникам утыкать ее горящими стрелами. А ворота бывали крепкими, а бревно — не таким большим, как надо бы, а смола сверху лилась ждем...

Иногда осаждающая армия... ничего не делала. Блокада. Не позволяли подвозить в крепость продукты, заставляя, таким образом, защитников или сдаваться на милость победителей, или голодать, поедая крыс, летучих мышей и даже пауков и тараканов. Но если запасы зерна в крепости были значительны, часто начинала голодать сама осаждающая

армия. Окрестности опустошены, деревни разграблены, а цитадель и не думает сдаваться...

И тогда оставался штурм... или подкоп. Тихая сапа. Сапу копали в нескольких местах, часто с разных сторон. Копали ночами, землю скрытно выносили далеко в поле и рассеивали по ветру или бросали в овраг, если такой найдется. Делали все, чтобы скрыть от противника истинные намерения — даже периодически устраивали штурмы с приставными лестницами и деревянными башенками. А сами копали, копали, копали...

И, выкопав под стенами крепости достаточные полости, поджигали деревянные крепления и готовились к штурму. Столбы креплений сгорали, стена оседала и разрушалась, и в пролом устремлялись рычащие солдаты.

Иногда, впрочем, удавалось через сапу скрытно провести отряд солдат, перебить охрану и открыть ворота...

В любом случае, участь защитников крепости была решена. Пропахшие потом и кровью, с пеной на губах, изрыгая страшные проклятия, озверевшие, потерявшие человеческий облик солдаты не знали жалости. Жалостливые — умирали первыми, еще на подходе к стенам... В крепость прорывались звери, убийцы, чудовища...

Через некоторое время, впрочем, они, насытившись смертями, кровью, грабежами и насилием, становились вполне добродушными и веселыми людьми. Некоторые каялись, вспоминая, сколько невинных жизней они загубили. Другие просто удрученно качали головами, выпив в кругу товарищей несколько кружек доброго вина.

6

Сумерки и отблески костра превращали Итилию в некое сверхъестественное существо с горящими глазами. Молча и неподвижно, как прекрасная статуя, стояла она на краю ямы, пока солдаты не наткнулись на клад...

Восторженные крики привлекли ее внимание, и в один миг женщина очутилась внизу, среди Разгоряченных работой наемников.

Дубовый, окованный медью сундук наполовину сгнил, но его стенки все еще надежно сохраняли доверенное им сокровище. В том, что найдены несметные богатства, никто не сомневался. Сундук стоял, как в домике, на деревянном помосте, под деревянной же крышей, надежно удерживаемой короткими толстыми столбами.

— Вытаскивайте наверх! — спокойно сказала Итилия, окинув взглядом возбужденные лица наемников.

— Может, сначала посмотрим, что там внутри?

Кто-то уже начал сбивать замки, другие невзначай оказались между женщиной и кладом, третьи в задумчивости положили руки на рукоятки мечей.

Через мгновение солдаты откинули крышку сундука и застыли, не в силах оторвать взгляд от его содержимого. В отблесках горевшего наверху костра и свете зажженных факелов всеми цветами радуги переливались бриллианты и изумруды, сапфиры и топазы, аметисты и рубины.

Несметные, недоступные людям сокровища хранились глубоко в земле Острова Пауков. Подобное не должно принадлежать людям! Такими сверкающими камнями украшают себя пери, танцуя среди звезд! Демоны в пещерах когтистыми пальцами перебирают, пересыпают из ладони в ладонь эти сокровища, любуясь их чистым светом! Невидимые духи хранят их в

глубинных тайниках в центре Земли. Отблески адского пламени и звездного света живут, затаившись, в этих камнях!

И вот, к ним потянулись корявые пальцы грубых солдат. Смеясь, наемники набивали карманы не имеющим цены светом. Камнями, которые они, бросив службу, будут пропивать всю оставшуюся жизнь.

Итилия быстро вскарабкалась наверх и вытащила единственную длинную лестницу. Внизу вспыхнула ссора, и солдаты даже не заметили, что оказались в ловушке. Впрочем, опытным воинам всегда не сложно выбраться из ямы, втыкая в стены кинжалы и мечи.

Отряд, снаряженный Итилией для копки сапы, насчитывал десять человек. Один оставался наверху, остальные — копали. Не мешкая, женщина послала возбужденного криками, доносящимися из ямы, часового за Конаном и Эскилампом.

Вскоре наемники загадели с нескрываемой злобой — эта ведьма вытащила лестницу! Хочет забрать сокровища себе или поделить на всех. Если распределить на всю армию — каждому достанется по два-три камешка — всего-то!.. Нет, это нужно одному! Двум-трем! Ну, пусть десятку... Только тогда жизнь нашедших и захвативших богатство превратиться в уладу, в сказку, в неслыханное наслаждение!.. А эта тварь!.. Разрубить ее на куски и разбежаться в разные стороны! Спрятаться где-нибудь в пещерах, переждать, а потом... Потом — будет волшебная сказка!..

Наемники завыли и, втыкая кинжалы в податливые земляные стены, стали карабкаться наверх. Свистнула сабля, и головы двух неудачливых солдат покатились назад в яму.

На некоторое время воцарилось молчание.

Противники оценивали силы друг друга. Семь Человек в яме и одна женщина наверху. Семь сильных опытных солдат — но в невыгодной позиции. Одна женщина — но какая! Сама Звездная Ведьма с острой саблей в руке! Готовая отрубить голову любому, кто взберется по стенам ямы. Теперь солдаты припомнили слухи и легенды о Звездной Ведьме, нанявшей их на службу. Говорили о ее невероятной быстроте, об умении, владеть саблей лучше любого воина, о ее коварстве и распутстве...

Молча стали высипать из карманов драгоценности понурые наемники. Затем, так же молча выбросили наверх все оружие.

Подошедшие Конан с Эскилампом застали печальную и поучительную картину — понурые солдаты вытаскивали из ямы древний сундук, а рядом, с обнаженной окровавленной саблей, стояла гневная Итилия.

Мечи и кинжалы наемников были свалены поодаль, а в яме лежали два окровавленных тела и две головы с оскаленными зубами и запекшейся на губах кровью.

— Каждый из вас, нашедших клад, может взять по горсти, — сказала Итилия, — остальное будет потрачено на нужды армии!

Бормоча слова благодарности, солдаты зачерпнули по полной горсти искрящихся камней. Разобрали оружие. Затем каждый испросил у Звездной Ведьмы разрешения навсегда покинуть армию. Итилия отпустила всех, взяв слово, что остальные солдаты о найденных сокровищах ничего не узнают.

— Через пару лет они вернутся опухшие о пьянства, — бросил Конан.

— Может, кто-то купит хороший дом, займется хозяйством?.. — предположил Эскиламп.

— Вряд ли... Они умеют только убивать и пропивать награбленное!

— А ты, Конан, умеешь делать что-то другое? — без обычной улыбки спросил

волшебник.

Киммериец посмотрел на товарища долгим взглядом.

— У меня еще все впереди...

* * *

Подкоп рыли днем и ночью, глубоко под землей пробиваясь к цитадели. Аль-Джезред надеялся выйти в подземные этажи без особых трудностей — древним строителям не было смысла выкладывать под землей сплошные стены. Где-нибудь да отыщется проход...

Команды по десять человек, вгрызаясь в землю, сменяли друг друга через каждые три часа. Две других — выносили землю.

Работа шла споро, и вскоре узкий тоннель уткнулся в огромные, плохо подогнанные друг к другу каменные глыбы.

— Фундамент, — сказал Аль-Джезред, — теперь нужно копать ниже...

Придворный маг, Конан, Итилия, Эскиламп и Хепат пришли, как только получили известие о том, что тоннель уперся, наконец, в стену. Их глазам в неверном свете факелов предстали валуны, держащие на себе всю громаду цитадели.

Предстояло углубиться еще ниже и попытаться пройти под фундаментом.

— А кто знает, на какую глубину уходит фундамент? — спросил Конан, мрачно осматривая камни.

Вопрос остался без ответа. Никто не знал, как строили те, кто в далекие времена жил на острове. Хепат попытался протиснуться меж каменных глыб. Бочком, затем на животе, а потом и ноги его исчезли в извилистом проходе.

Даже если наш друг и проберется, это не поможет, — грустно сказал Аль-Джезред, — солдаты не пролезут.

Если Хепат найдет проход, его можно будет расширить, — Эскиламп заглянул в щель, где исчез гном, и почесал подбородок, — некоторые камни я мог бы раздробить с помощью заклинаний...

Время шло, а Хепата все не было. Друзья терпеливо ждали.

— Наверху, вероятно, уже ночь... — Итилия поежилась.

В узком тоннеле, освещенном колеблющимся светом факелов, время остановилось. Где-то там, наверху, светила луна, мерцали звезды, возможно, еще не спряталось за горизонт солнце. Генералы проверяли посты, солдаты несли службу или отдыхали. В окружающих замок джунглях кишила живность — невидимые твари лазали, ползали, прыгали, кричали на разные голоса...

Тут, внизу, глубоко под землей — ибо тоннель специально рыли с наклоном вниз — жизни не было. Могильная тишина и ожидание. Итилия первая почувствовала приближение некой злой, бездушной силы.

Друзья поежились и теснее прижались друг к другу. Из вековечного мрака подземелья к ним двигалось Нечто. Накатывалось, подобно гигантской волне — фатально, неотвратимо, ся смерть я разрушение, а, главное — предсмертный, всепоглощающий ужас.

Абсолютная тишина усиливалась предчувствие неизбежной гибели.

— Зря мы отпустили солдат, — прошептал Аль-Джезред.

— В такой тесноте от них мало толку, — сказал Эскиламп.

Конан скользнул вперед и встал у самого фундамента. Никто не заметил, когда он обнажил меч. Ожидание растягивалось, как в дурном сне. Тесные земляные стены тоннеля, казалось, постепенно смыкаются, стараясь раздавить горстку людей, дерзнувших подкопаться под старинный замок.

— Где носят демоны нашего гнома?! — зашипел Аль-Джезред, потеряв терпение.

— Он не вернется, пока не найдет проход, — спокойно сказал Конан.

— Мы не знаем, на каком уровне подземных ярусов находимся, — придворный маг с трудом подбирал слова, — если Хепат разбудит...

— Если мы на том уровне, — перебила Итилия — Оно уже давно разбужено!

Аль-Джезред нехотя кивнул.

— И только боги знают, с чем нам предстоит столкнуться...

Внезапно из щели вынырнула голова Хепата с всклокоченной бородой и дико вытаращенными глазами.

— Скорее! Скорее завалите этот ход! Замуруйте отверстие! — Гном выполз из расщелины, как червяк из кучи навоза. — Оно гонится за мной! о боги!

— Факелы к стене! — рявкнул Конан. Он встал наизготовку, а остальные поднесли факелы к самой расщелине.

— Я чувствую... — трясясь Хепат. — Оно идет оно уже тут, среди камней!..

— Что-то приближается, приготовьтесь, — изменившимся голосом произнес Эскиламп и забормотал заклинание, протянув руку к камню, нависшему над проходом, из которого вынырнул гном.

— Что? Что ты видел?! — допытывалась Итилия, пытаясь успокоить обезумевшего Хепата.

— Там... — шептал гном, как во сне, — там... нечто... Оно учудило меня...

Внезапно Эскиламп выкрикнул заключительные слова заклинания, и огромный камень, на который были направлены дрожащие он напряжения пальцы волшебника, с треском раскололся пополам.

Затем на глазах стал змеиться трещинами, и каждая половинка раскололась еще на две, затем еще... Посыпались мелкие камешки. Почти одновременно с этим Конан хэнкнул, как дровосек, врубающийся в толстенное дерево, и к ногам присутствующих упала огромная, как бочка, лопа гигантской змеи. Из расщелины, разбрзгивая черную кровь, торчал обрубок тела, надежно заклиниенный каменными осколками.

— Это не Глейя, — хрюплю сказал Аль-Джезред, наклоняясь над плоской головой гадины. — Я так и думал, что все подземелье кишмя кишит подобными тварями!..

— Если бы она не застряла в осколках... — Конан покачал головой, — я мог бы и не успеть... Быстрая тварь!..

— Это не то... не то... Эта не та мерзость, что гналась за мной... — шептал в забытьи Хепат, — та, другая... страшнее... больше... гораздо больше... Она коснулась меня... коснулась...

Хепат проболел несколько дней. Похудел, и взгляд его стал странным, будто он ежесекундно видел то, что недоступно другим. Проход среди камней, найденный гномом,

постепенно расширили, подтесав некоторые камни и вытащив другие — помельче. Затем намалевали указатели направления, чтобы не сбиться с пути и не застрять в какой-нибудь узкой тупиковой расщелине.

Солдаты, работающие на расчистке прохода, ничего подозрительного не слышали и не чувствовали.

— Они просто огрубели, — говорил Хепат, — Их черствые души не могут воспринимать ничего кроме непосредственной опасности...

— Непосредственной — нет, и то хорошо, — Усмехался Конан.

Решено было в подземелье замка переправить шесть десятков солдат. Остальные будут ждать сигнала к штурму. Отбирались только добровольцы. Итилия пообещала каждому, кто останется в живых, по горсти драгоценных камней.

— Хватит ли? — сомневался Аль-Джезред. — Камней-то хватит? — Он очень хотел узнать, чего и сколько нашли солдаты в старом сундуке.

— На оставшихся — вполне хватит, — отвечала Звездная Ведьма, будучи уверена, что останется не много. А может, и вообще... Если огромные гадины, выродки Глайи, ползают по всем ярусам... Да еще и То... Она считала, что шесть десятков — это очень немного для такой рискованной вылазки.

Солдаты заготавливали смоляные факелы, точили мечи и судачили о предстоящем подземном походе.

— Зря я вызвался лезть в эту дыру, — говорил заросший бородой до самых глаз наемник, за невероятную угрюмость прозванный Весельчаком.

— Возьми да и откажись, — посоветовал другой, с корявым лицом, истыканым осцинами и покрытым шрамами. Этого прозвали Красавчиком.

— Легко сказать — откажись... А горсть камешков?! — И Весельчак длинно, замысловато выругался. — Кто ж откажется?!

— Да многие отказались...

— А ты-то — что?!

— А я знаю, как в живых остаться, — хмыкнул Красавчик.

— Ну и как?

— Да надо держаться ближе к этому громадному киммерийцу! Рассказывали, что он одним ударом отрубил голову огромной змее... А голова-то не меньше бочки будет!

— Да как держаться, когда нас построят — кто знает, где твоё место будет?

В строю — ладно... А как свалка начнется — так и держись...

* * *

Перед походом Звездная Ведьма выступила с кратким напутствием.

Коротко рассказала о цели вылазки — подняться наверх, отыскать ворота, открыть их и дать сигнал к атаке.

— А что же — никто не знает, где ворота эти? — шептал из бороды Весельчак, нагибаясь к уху товарища.

— Да вроде как нет их, — отвечали более осведомленные солдаты. — Снаружи — не найти! Сплошь камень. Но, по здравому разумению, ворота должны быть... Изнутри — найдем!

— Если змея не сожрет... — буркнул Весельчак.

Итилия напомнила о награде добровольцам, о необходимости не шуметь и соблюдать дисциплину.

— Никто из генералов не вызвался командовать вами в подземельях! — возвысила голос Звездная Ведьма.

— Не могу осуждать их за это. Я сама поведу вас!

В подобных случаях полагалось восторженными криками выразить бурную радость, но, учитывая необходимость соблюдения тишины, солдаты молча подняли мечи.

С наступлением темноты колонна наемников змеей вползла в тоннель. Впереди шел Конан, рядом семенил оправившийся Хепат, Итилия и Эскиламп — чуть позади. Аль-Джезред тоже отправился, так как был единственным, кто знал цитадель.

Длинный подземный ход с каждым шагом заметно понижался. Солдаты, чтобы не создавать дополнительный шум, шли не в ногу. Каждый пятый нес зажженный факел, а каждый третий имел за спиной вязанку запасных. Двигались быстро и молча. Скоро достигли фундамента.

Конан двинул было к расщелине, но Итилия незаметно придержала его, отдав приказ первой десятке наемников проползти между камней фундамента и занять круговую оборону. За первым десятком последовал второй, затем третий...

Только после этого женщина отпустила руку Конана, и он устремился вслед за солдатами. Внутри его глазам предсталая ужасная картина.

Огромный зал с высоким потолком и корявыми стенами из необработанного камня тонул в полумраке. Беспорядочно разбросанные догорающие факелы начинали коптить. С потолка свисало липкое вервие, таких размеров, что в нем мог бы запутаться и буйвол. В стенах зияло множество отверстий, подозрительно напоминающих норы огромных змей. Множество камней, не то упавших с потолка, не то вытащенных кем-то из стен, кучами валялись на полу. А между ними, в лужах крови, лежали куски растерзанных солдат. Из трех десятков опытных воинов в живых не осталось никого!

Итилия, гибкая, как пантера, уже стояла рядом и молча созерцала картину побоища. Тридцать человек, следующие за Конаном, выбирались из прохода и, страшно ругаясь сквозь зубы, согласно ранее полученному приказу, занимали круговую оборону.

— Трехпалая лапа и огромные когти... — Конан, подсвечивая факелом, ходил кругами, рассматривая множество кровавых следов. — И ни одного трупа нападавших!

— Это не пауки, — дрожащим голосом сказал Аль-Джезред, — хотя пауки тут и жили, — он указал на покрытую толстым слоем пыли паутину, — но они давно ушли...

— Или были съедены новыми хозяевами, — Добавил Эскиламп.

— Ужасный запах, — пожаловался Хепат. — воздух застоялся, значит, возможно, нет хода дальше... Мы можем и не пробраться в верхние этажи...

Действительно, в подземелье стоял густой, удущливый смрад. Гниль, затхлость, тление...

Запах свежей крови несчастных солдат также внес свою лепту в этот отвратительный букет зловония.

— Есть еще следы хвоста... — продолжал Конан. — Похоже, эти твари ходили на задних лапах, опираясь на толстый хвост.

— Никогда таких не видел, — прошептал Аль-Джезред, — но я же говорил, что в нижних ярусах своя жизнь...

Кровавые следы уходили в темноту. Не менее десяти кровожадных тварей — судя по отпечаткам лап и хвостов — насытившись, скрылись в одном направлении.

— Нам, по-моему, в другую сторону, — нервно усмехнувшись, пропищал Хепат.

— Боюсь, что там единственный выход, — мрачно сказал Конан.

— Будем надеяться, что они насытились, — пробормотал Эскиламп, — а сытая тварь должна спать...

После короткого совещания решили обследовать зал и, если не найдется другого выхода, следовать по кровавым следам таинственных чудовищ. Солдаты разбились на тройки и рассыпались по темному залу. Конан поднял исковерканный меч одного их наемников.

— Смотрите! Следы зубов. И когтей. Скорее всего, твари ходят на задних лапах, опираясь на хвост, а передними разрывают добычу.

Ужасная, как видения ада, картина предстала воображению друзей. Громадные чудовища, быстрые, сильные, когтистые, с огромными зубами, неуязвимые... Выскакивая из темноты, рвут на части несчастных, не успевших опомниться солдат, насыщаются дымящимися кусками мяса и исчезают в проходе, куда теперь необходимо идти оставшимся в живых людям...

Наемники бродили вдоль корявых стен, заглядывая в каждое отверстие. Воздух стал еще более тяжелым из-за горения множества факелов. Наваливалась усталость — сказывался недостаток кислорода.

В дальней стене обнаружили пролом, куда и вели кровавые следы. С величайшей осторожностью, держа оружие наготове, солдаты двинулись вслед за тварями, растерзвшими их товарищей. Зажгли больше факелов, надеясь светом отпугнуть чудовищ. Через пролом попали в другой зал, гораздо меньших размеров. Обследовали и его, но не обнаружили ничего примечательного. Следы вели дальше в какой-то коридор. Другого выхода не было. Втиснулись с факелами и мечами наизготовку в коридор. Мокрые, осклизлые стены были обильно украшены ползающими слизняками. С потолка капала вода.

Рядом с Конаном тихими голосами переговаривались двое солдат.

— Вот тебе, Красавчик, и будет горсть камешков — горстями будешь загребать, когда кишки вывались! Только камни-то будут не те! Вот эти-то осколки будешь собирать в судорогах!..

— Заткнись, Весельчак! Заткнись, падла! И без тебя тошно! Свети лучше... Вон, что-то там...

Солдаты загомонили, загалдели, собравшись у поворота — нашли издыхающего монстра. Чудовище лежало на боку, откинув толстый чешуйчатый хвост, и сучило когтистыми лапами. Маленькие, злые глазки его остекленели. Из глубокой раны в брюхе кровь уже не текла.

— Все-таки достал его один из наших!.., — вздохнул Весельчак. — Не такое оно и страшное это чудище... и не таковских видывали!..

Издыхающий монстр действительно выглядел скорее жалко, нежели устрашающе. Однако Конан заметил, что ростом оно будет повыше человека головы на три, что когти на небольших передних лапах могут, как хорошие кинжалы, без труда распороть кольчугу, а зубы прокусить любой шлем.

— Вот ты послушай, киммериец, — сказав вдруг Конану постоянно крутившийся рядом солдат с корявым лицом, — хоть ты и генерал нам, как сказано Ведьмой, а сдается мне, что ты такой же наемник, как и мы...

— Ну, что тебе? — Конан пробовал мечом чешуйчатую шкуру издыхающего чудовища. — Крепкая! Не сразу пробьешь!

— Вот ты скажи, — не отставал солдат, — есть у нас шансы в живых остаться?

Конан внимательно посмотрел на настырного наемника, припомнил, что он — и еще один, с бородицей — все время около него крутятся.

— Иди вперед! И ты! — он указал мечом на Весельчака. — Оба — вперед!

Переругиваясь вполголоса, солдаты протиснулись в первые ряды. Двинулись дальше. Коридор вывел на небольшую площадку, откуда круто вверх уходила узкая лестница. Следы чудовищ виднелись дальше по коридору.

— Слава богам! — облегченно сказал Красавчик — Хоть и послали нас в первые ряды, а чудовищ уже не встретим! Они пошли прямо, а мы — наверх!

Да наверху, может, их гораздо больше! Или других! И надо же было тебе, дураку, с Конаном заговорить!..

— Ничего, Весельчак, ничего... Пронесет...

Осветили факелами лестницу. Далеко наверх уходили стертые ступеньки. Дальше — темнота. Пошли гуськом. Конан, Итилия, Хепат, Эскиламп и придворный маг Аль-Джезред замыкали цепочку. Именно на таком порядке настояла Звездная Ведьма, и это в очередной раз спасло им жизнь.

Сверху стали раздаваться истошные крики, ругань, визг невидимых пока существ, свист мечей и стоны раненых солдат. Затем стали вперемежку падать трупы наемников и огромных летучих мышей.

Нетопыри, выросшие до невероятных размеров, с недоразвитыми крыльями, но хорошо развитыми зубами, падали как груши. У каждого на теле зияла рана, нанесенная мечом или кинжалом...

У солдат же большей частью было разорвано горло. Некоторые и вовсе вместо головы имели кровавый сгусток пережеванной плоти и переломных костей.

Когда лестница, наконец, привела воинов на широкую площадку, за которой виднелся вход в зал — в живых осталось всего восемь солдат. Забрызганные кровью, с дикими, вытаращенными глазами, они сбились в кучу, словно испуганные овцы.

Конан заглянул в зал. Пыль и запустение. Но через узкие, невидимые снаружи окна-бойницы сочился солнечный свет!

— Мы поднялись выше уровня земли! Придворного мага ко мне!

Аль-Джезред, бледный, как полотно, приблизился к Конану.

— Это первый этаж цитадели. Его заброшенное крыло. Теперь я знаю, куда нужно идти!

Наемники стояли отдельной группой и недружелюбно посматривали на своих руководителей. Из шестидесяти человек их осталось всего-навсего восемь.

— Теперь бы нам не по одной горсти камней положено, а хотя бы по две! — говорил забрызганный кровью солдат с корявым лицом.

— По десять тебе выдадут! — мрачно отвечал другой, из-под бороды которого выглядывала окровавленная повязка.

Итилия, отличавшаяся тонким слухом, спокойно сказала:

— Каждый, кто останется в живых, получит по пять горстей драгоценных камней! Бриллиантов, изумрудов, топазов!..

Наемники заметно приободрились. Загомонили.

— Осторожно! — крикнул Эскиламп, показывая в дальний угол зала.

Из темной норы, пульсируя, как пиявка, выползала громадная змея.

— Это Глайя! — крикнул Аль-Джезред. — Не бойтесь, она ручная!

— И она, кажется, умирает, — добавил Хепат. Конан увидел, что тело гигантской рептилии истерзанно когтями. Шкура висела клочьями. Места, откуда были вырваны куски мяса, сильно кровоточили.

Аль-Джезред вышел вперед.

— Как же они тебя... И откуда они только взялись?

Глайя из последних сил подползла к придворному магу и положила голову ему на плечо. Фокусник, как когда-то у трона старухи, ласково погладил змею и дрогнувшим голосом сказал:

— Бедная... А я всегда... тебя недолюбливал... Бедная ты моя...

Глайя затихла, и Аль-Джезред бережно опустил на пол огромную голову с потускневшими глазами.

Суровые наемники понуро и молча смотрели на мертвую любимицу королевы. В глазах придворного мага стояли слезы.

— Если эти твари выбрались на верхние этажи, нам придется туда! — нахмурился Конан.

— Кажется, я догадываюсь, откуда они... — медленно сказала Итилия. — Копая сапу, подтесывая камни, мы разбудили то, что исстари дремало в подвалах цитадели...

Аль-Джезред вздрогнул.

— Ты думаешь?..

— Да... Легенды говорят об огромных яйцах, о дремлющей до поры самке-королеве... Мы разбудили ее, и она снова принялась за работу! Скоро весь замок будет заполнен чудовищами!..

— Вероятно, такое уже случилось однажды, Эскиламп задумчиво посмотрел на мертвую змею. — Самка наплодила чудовищ, и они по жрали строителей этой крепости. После чего сами издохли от голода, а королева — заснула на несколько тысячелетий...

— В какой стороне тронный зал? — спросил Конан.

Аль-Джезред указал на одну из арок, за которой виднелся длинный коридор.

— Нам нужно сматываться как можно скорее! — крикнул Хепат, но Конан уже размашисто шагал в указанном направлении.

— За ним, — бросила Итилия, и оставшиеся солдаты, взяв мечи наизготовку, поспешили следом.

На сей раз тронный зал, представлял собой странное зрелище.

На полу ровными рядами, как надгробия на кладбище, лежали огромные яйца. Белые, гладкие, как хорошо отполированные валуны, они окружали золотой трон, на котором сидела мумия королевы Острова Пауков. Старуха умерла от ужаса. Тело ее не было тронуто когтями твари, которая, как гигантский кузнец, высыпалась посреди зала.

С мягким шлепком на пол упало очередное яйцо. Затем еще и еще...

Самка была в несколько раз крупнее тех монстров, что разорвали первые три десятка солдат. Выпуклые глаза смотрели на вторгшихся в ее владения людей с нескрываемой злобой, но длинный, массивный яйцеклад ни на секунду не прекращал работы. Шлеп, шлеп... Маленькие передние лапы твари судорожно сжались, когда к ней приблизился Конан с обнаженным мечом. Солдаты заходили с боков.

Неожиданным броском самка, вытянув лапу, зацепила одного из наемников. Затем, все

так же, не отрывая тяжелый яйцеклад от пола, бросилась в другую сторону, и второй солдат покатился с разорванным животом. Быстрота движений чудовища была феноменальной. Стало ясно, как за несколько минут погибли тридцать опытных наемников.

Конан, в момент, когда тварь отклонилась, убивая очередного — третьего — солдата, прыгнул вперед и вонзил меч глубоко в чешуйчатое брюхо чудовища.

Визг на пределе слышимости человеческого уха заполнил тронный зал.

Затем самка, повалившись на бок и сужа Длинными суставчатыми ногами, стала издавать странные, ритмичные звуки, напоминающие музыку дикарей-пиктов.

— Она созывает своих последышей! — крикнул Эскиламп. — Надо бежать!

— Кром! Меч остался у нее в брюхе! — Конан Никак не мог подойти к изыхающему чудовищу.

С нескольких сторон послышалось усиленное эхом завывание. На помощь королеве двигалась орды чудовищ.

— Они повсюду! — заорал Аль-Джезред Затем, взяв себя в руки, прислушался.

— Там! Кажется, там их нет! — он бросился к одной из дверей. Пятеро оставшихся в живых солдат смотрели на Конана, ожидая приказа.

— Я догоню, — усмехнулся киммериец, примериваясь выхватить меч.

— Мне тут один друг говорил, чтобы я держался к тебе поближе, — крикнул бородач с окровавленной повязкой на шее. — Жаль, что он не дожил до этого момента...

Солдат рубанул мечом по ноге чудовища. Четверо других наемников тотчас последовали его примеру.

Самка брыкалась, старалась зацепить когтями наносящихувечье врагов, что дало Конану возможность подойти ближе и выдернуть, наконец, меч из брюха чудовища. Черная кровь тягучим фонтаном брызнула ему в лицо. Королева забилась в последних судорогах.

— Скорее! — крикнула Итилия. — Аль-Джезред приведет нас к воротам!

Конан покидал тронный зал последним. На миг остановившись, он увидел, как поверженную королеву обступили ее подданные. А из яиц уже проклевывались новые монстры. Некоторые еще нетвердо стояли на ногах, другие, достаточно освоившись, издавали глухое рычание, вертя головами в поисках добычи.

— Скоро их тут будет несколько тысяч! Замок потерян, и нам надо убираться! — крикнула Итилия.

Люди бежали со всех ног, пытаясь не упустить из виду фигуру придворного мага, показывавшего чудеса скоростного передвижения по запутанным коридорам замка...

* * *

— Каждый из вас получит обещанную плату, плюс надбавку, — говорила Звездная Ведьма, обращаясь к шеренгам солдат, — мои корабли отвезут вас, куда скажете...

Затем она подошла к отдельной группе наемников.

Пять человек... Почти все перевязаны кровоточащими бинтами.

— Идите в мою палатку, и пусть каждый из вас зачерпнет по десять горстей драгоценных камней!

— Только не пропивайте все сразу! — усмехнулся Конан.

— Купите замки с богатыми, плодородными землями, ведите хозяйство, — добавил Эскиламп.

— Купите лучше дворцы и заведите гарем! — крикнул Хепат.

Солдаты гуськом пошли в шатер Звездной Ведьмы.

— Эх, жаль, Красавчик не дожил... — грустно сказал бородач с забинтованным горлом, набивая Карманы сверкающими камнями.

Затем он долго, молча смотрел на готовые к отплытию корабли, которые унесут его к новой жизни. Но почему-то предстоящая сытная, богатая жизнь не радовала. Невольно вспоминалась полутора подземелий цитадели, погибшие в схватках товарищи.

«Зачем это все? — думал Весельчак. — Для кого? Ради чего погибают солдаты?! И, вообще, кому все это надо?!»

Ник Харрис

Корона власти

В темном углу одной из харчевен на окраине Шадизара сидел нищий. Он был так стар, что, казалось, в любой момент мог упасть и умереть. Голова его тряслась, руки ходили ходуном. Loхмотья, висевшие на костлявом теле, наполовину состояли из дыр. Блеклые, выщветшие глаза вспыхнули безумием, когда он, с неожиданной силой, схватил за руку проходящего мимо Конана:

— Ты не узнаешь меня, герой?

Киммериец поморщился, но присел рядом со стариком. На столе перед ним стояла кружка с водой. Рядом одиноко лежал кусок черствого хлеба. Люди в харчевне не обращали на нищего старика внимания. Здесь привыкли к нищим и оборванцам. Привыкли также и к воинам — наемникам, охранникам, солдатам, — веселящимся за обильными столами.

— Что тебе заказать? — ворчливо спросил Конан и кивком подозвал слугу.

— Мне ничего не нужно, Конан, только вспомни меня, вспомни, — заклинал старики, впиваясь в синие глаза варвара, — я тот, с кем ты спускался в нижние пределы в поисках демона Уробаха!

— Атион?! — Конан внимательно всмотрелся в желтое, как пергамент, лицо старика. — Что с тобой стало?! Помнится, не так давно Уробах унес тебя в Иранистан — ты там собрался стать великим правителем!

— Я и стал им. Могучим правителем, и все эти жалкие людишки трепетали при упоминании одного моего имени. Но демон, стремясь, поскорее освободится от службы, ускорил время. Пятьдесят лет для меня пролетели, как один год. Я постарел столь стремительно, что не успел насладиться неограниченной властью, не успел почувствовать вкус жизни повелителя целого народа. Уробах перехитрил меня. И теперь я — нищий. Я скитаюсь по окраинам Шадизара и прошу подаяния.

— Печальная судьба, — сказал Конан без всякой печали, — жил бы себе честным купцом, не лез бы к демонам...

— Но теперь все изменится, Конан, — прошептал Атион, — я знаю, как вернуть молодость. Ты мне в этом поможешь!

— Видишь ли, — насмешливо протянул Конан, — мы, конечно, с тобой пережили кое-какие приключения, но ты поступил с нами не слишком хорошо, и я почему-то не горю желанием вернуть тебе молодость.

— Ты ведь хочешь стать королем, Конан? — Атион вновь схватил киммерийца за руку и вновь с силой, которую трудно было заподозрить в его старческом теле, — ты хочешь получить королевство? Ты его получишь! А я получу молодость и начну все с начала. Отведи меня куда-нибудь, где можно спокойно обсудить наш план...

* * *

Небольшой караван держал путь на восход солнца, в сторону величественных Кезанкийских гор. Там, среди вечных снегов, в самом хаосе нагромождения скал, в потайной пещере прятался от смертных источник молодости. Небольшой, мягко журчащий ручеек красного, как кровь, цвета показывался на миг в углу пещеры и вновь исчезал в недрах горы.

А рядом, в тяжелом золотом сундуке ждала хозяина корона абсолютной власти.

Все это рассказал Атион, сверкая глазами и часто хватая Конана за руку сухими старческими ладонями. А в соседних пещерах, конечно же, лежали несметные сокровища, веками хранимые для того, кто сумеет добыть корону.

Что заставило Конана вновь поверить колдуну? Ну, прежде всего, прошлый раз он, в общем-то, не обманул... Кроме того, любовь киммерийца к походам, авантюрам... Стать королем? Неплохо, хотя трудно поверить, что некая корона, пусть даже и волшебная, может посадить ее обладателя на трон. Ведь троны-то, как правило, бывают заняты...

Но Атион клялся остатком жизни: стоит завладеть короной, как дальше все свершится само собой.

«Тебе будут служить тысячи незримых существ», — уверял он.

Выходило, что демоны все сделают сами. Нужно было только добыть корону и выбрать страну... И прихватить сокровища в соседней пещере.

* * *

Караван продвигался на восток. Конан, на вороном коне, Хепат на верблюде... Почти, как раньше. Только колдун Атион не гарцевал на резвом жеребце — он сидел мешком между горбами второго верблюда. И вид согбенного старика сердил, раздражал гнома, взгляд которого, помимо воли, постоянно упирался в спину дряхлого колдуна.

Гнома Конан нашел в одном из притонов Шадизара. Хепат опух от пьянства и долго не мог понять, кто и зачем за ним пришел. Но когда узнал, что Конан его не забыл, что Конан вновь приглашает его, как раньше, в опасный поход, зарыдал, повиснув на ноге друга и, расплатившись последними медяками с хозяином притона, отправился в путь. Благо, собирать ему было нечего.

Атиона он так и не узнал. Просто поверил Конану, что перед ним тот самый веселый колдун, которого демон Уробах унес в Иранистан, где он волшебным образом состарился. А теперь, вместо того, чтобы наслаждаться беседой с другом, он вынужден смотреть на сутулую спину немощного старика.

Пыльная, выжженная степь утомляла однообразием. Хепат, понукая верблюда, поравнялся с Конаном.

— А где, красавица Итилия? Почему она не с тобой?

— Не могу же я всех красавиц с собой возить, — проворчал Конан, затем добавил: — После того, как мы до смерти надоели друг другу, она отправилась в южные королевства...

— Значит, вы расстались, — уточнил Хепат с грустью.

— Расстались, — подтвердил Конан и надолго замолчал.

* * *

Кезанкийские горы встретили путешественников неласково. Стоило каравану вступить в предгорья, как поднялся сильный ветер, грозивший к ночи перейти в ураган.

— Нужно искать пещеру для ночевки! — крикнул Конан.

Пыль забивала глаза, мешала дышать. Вначале небольшие, почти игрушечные вихри

разрастались, крутили уже не только пыль, но и мелкие песчинки, больно ударявшие по глазам.

— Но как они узнали? — бормотал Акцион. — Мы же еще далеко... как они узнали?

Конан пришпорил коня и помчался под защиту деревьев — небольшой рощицы, внезапно появившейся из мутной, пыльной пелены. Акцион и Хепат поспешили следом.

Роща была невелика и состояла из уродливых, кривобоких лиственных деревьев, но все же защищала от ветра и пыли.

Деревья стонали и гнулись, осыпая путников листвой. В шуме ветра слышались завывания потерянных душ, вой волков и шум отдаленной битвы. Конан знал, что иногда ураганы приносят странные звуки. И странные вещи случаются после ураганов. С неба падают рыбы, лягушки... Однажды — и Конан был тому свидетелем — смерч принес окровавленную отрубленную руку. Где-то кипела битва... Эта история с рукой превратилась в обычную застольную байку, в которую никто не верил...

Буря постепенно стихала, но ворчала, брюзжала, как разошедшийся в ссоре старик, который долго не может успокоиться, размахивая руками и бурча под нос запоздальные проклятия. Песчинки уже не секли щеки, пыль стала оседать. Появилась возможность осмотреться. Укрывшая их рощица превратилась в скопище скелетиков — ветер сорвал с деревьев почти всю листву. Верблюды чихали, люди с трудом прочистили глаза.

— Ты что-то бормотал... — Конан повернулся к колдуну. — Кто-то что-то узнал...

— Да... — Акцион замялся. — Ты же не думаешь, что корону и источник никто не стережет!

— Про стражей ты почему-то раньше не говорил! — с негодованием заметил Конан.

— Это и так ясно... Если бы все эти богатства доставались так просто — их бы давно уже там не было.

— Ладно, об этом еще будет время поговорить, — бросил Конан, — а пока нужно найти место для ночевки.

Через короткое время нашлась подходящая пещера. Достаточно просторная даже для двух верблюдов и коня, которых не рискнули оставить на ночь снаружи.

Хепат натаскал хворосту и развел огонь. Конан заметил, что дым от костра устремился не наружу, а внутрь пещеры, значит, где-то был и второй выход, находящийся значительно выше первого. Из предосторожности это временное пристанище следовало осмотреть.

Приготовив два небольших факела, Конан направился, было, вглубь пещеры, но Акцион схватил его за руку. Эта его манера хватать за руки все больше раздражала киммерийца. Теперь руки Актиона опережали слова. Куда девался тот веселый колдун-балагур, который сопровождал их в нижние пределы?.. Впрочем, к старости у всех меняются привычки...

— Подожди, Конан, подожди, — зашептал Акцион.

Горячий шепот, так не свойственный прежнему Акциону, злил Конана не меньше, чем стремление ухватить за руку.

— Чего ты шепчешь?! Боишься, что подслушают нетопыры?!

— Подожди, не стоит далеко ходить вглубь этой пещеры!

— Почему?

— Похоже, мы попали в одну из пещер, где...

— Где — что? — нетерпеливо спросил Конан

— Словом, это пещера Великих Спящих... Я нашел знаки на стене... Переночевать здесь можно — у самого входа, но обследовать ее... нежелательно.

Помедлив, Конан вновь присел к костру. Хепат старательно заготавливал хворост — складывал его неподалёку с таким расчетом, чтобы хватило до утра.

— Что это за Великие Спящие?

— Никто точно не знает... — Акцион медленно подбирал слова. — В пещерах, в самых потаенных уголках иногда можно встретить спящих гигантов... Спящих или окаменевших... не знаю. Это не демоны, не боги... Похоже, что это люди... Предания гласят, что они жили на земле задолго до нас...

— А, может, это просто каменные изваяния? — Хепат скромно подбросил в огонь хворосту.

— Нет... они из плоти... из окаменевшей плоти... Они ждут.

— Чего ждут? — На гнома рассказ колдуна произвел, казалось, сильное впечатление.

— Момента пробуждения, естественно, — насмешливо пояснил Акцион, — и беда, если они пробудятся раньше времени!

— Кром! — воскликнул Конан. — Я должен их увидеть! Не бойся, колдун, я прокрадусь тише мыши... не разбужу.

И не слушая дальше бормотаний Актиона, он решительно двинулся вглубь пещеры.

— Проклятье! — пробормотал колдун. — Лучше бы я ничего не говорил! Если они проснутся...

— А что — такое уже было? — тонким голосом спросил Хепат.

— Не в наше время... Раньше... И последствия оказались ужасны...

Колдун ссугуился над костром, будто хотел впитать в старческое тело живительное тепло огня. Хепат потерянно молчал, пытаясь представить последствия пробуждения гиганта. Тишину нарушал только треск костра. Огонь жадно пожирал сухие ветки — набрасывался, хватал, лизал, и не отпускал уже до конца, до почерневшей головешки. Вид этих углей навевал на Хепата смертную тоску.

Прошло немало времени с тех пор, как ушел Конан. Гном и колдун молчали. Хепат хмурился, нервно сжимая кулаки. Акцион навис над костром, губы его беззвучно шевелились.

«Что он — молится своим богам, — думал Хепат, — или творит заклинания? Будь прокляты все колдуны! Все они — непонятные, а, значит, опасные создания».

Мучительно-медленно тянулось время. Конан не возвращался. Хепат заметил муравья, спешащего к выходу из пещеры. Затем другого, третьего. Спокойно проползла гусеница. Где-то зашуршала мышь. Мир жил привычной, размеренной жизнью.

Из глубин земли раздался странный звук. Гном вскочил, как ужаленный. Акцион поднял голову и прислушался. Звук продолжался — низкое гудение, вибрация, содрогание камня под ногами.

— Что это? Что? — Хепат вытаращил глаза так, что они, казалось, могут выпасть из глазниц.

— Я не знаю... — устало сказал колдун, — может быть, это пробуждение...

Звук нарастал. Сверху посыпались мелкие камни. Земля гудела так, чтоibriровало все тело. Уши закладывало.

— Что делать? — метался Хепат. — Искать Конана?! Или вывести животных и приготовиться к бегству? Что делать? Говори, колдуй! — он потряс Актиона. — Говори, что делать!

— Пожалуй, стоит приготовиться к бегству, — прошамкал Акцион, — как только Конан появится, сразу и бежать... скакать ночью... сломать себе шею... как только Конан

появится... если появится...

— Будь ты проклят! Будь ты...

Звук исчез так же внезапно, как появился. Мелкие камни еще продолжали сыпаться, но странная вибрация стихла. Тишина оглушила, как ударом молота. Хепат застыл, будто превратился в камень. Акцион тяжко вздохнул и подбросил в костер хворосту.

— Будем ждать...

* * *

Когда Конан отошел от костра и зажег факел, он заметил, что пещера стала гораздо просторней. Вообще, вход, где они сидели, походил на горлышко кувшина. А сама пещера имела, по-видимому, огромные размеры. Сталактиты и сталагмиты походили на зубы, торчащие в пасти гигантского дракона, готовые в любой момент сомкнуться и схватить нежданного гостя.

Постепенно своды пещеры потерялись в темноте, а стены разошлись настолько, что свет факела до них едва доставал. Конан двигался совершенно бесшумно, ни единым звуком не нарушал тишину этого подземного жилища окаменевшего великана — если, конечно, верить Акциону. Пещера тянулась одним громадным тоннелем. Мелкие ходы и ответвления не привлекали внимания Конана. Где-то там, в недрах горы, таится нечто странное... Не демон, не бог... человек, живший в начале времен. Так считал колдун Акцион. Так говорили предания.

Чего никак не ожидал увидеть Конан, так это обработанного камня. Творения рук человека! Самый конец пещеры, ее последняя стена состояла из огромных, хорошо отесанных каменных глыб. Некоторые камни выступали в виде примитивно вырезанных драконых морд, ухмылявшихся беззубой усмешкой.

Внизу каменной кладки, перегораживающей пещеру, находилась огромная арка, украшенная более изящной резьбой. Если бы Конан вырос в высоту в несколько раз, то и тогда он мог бы пройти в эту арку, не сгибая головы. Дверей или ворот не было. Ничто не запиралось. И все же, богатырь медлил. Какая-то охрана должна быть... Или ловушки. Придется пощуметь...

Он поднял небольшой камень и бросил его перед собой — туда, куда должна ступить его нога. Ничего не произошло. Может, камень слишком мал? Пришлось потрудиться и найти побольше. Круглый валун весил примерно столько же, сколько человек. Конан вздохнул и покатил его перед собой.

Если сработает ловушка — а это, скорее всего, будет скрытая яма — камень провалится, а человек успеет остановиться.

Ничего. Никаких ловушек. Пройдя арку, Конан увидел огромный каменный алтарь и лежащего на нем окаменевшего человека. Размеры гиганта поражали. Если бы киммериец решился лечь рядом с телом исполина, он едва ли достал бы ему до колен.

Медленно обошел Конан эту странную усыпальницу. Чутье бывшего вора говорило, что здесь могут храниться сокровища при жизни принадлежавшие спящему. Но гигантский склеп был пуст. Только возвышался посредине каменный помост с застывшим, окаменевшим огромным человеком.

Первый факел догорал — пришла пора возвращаться. В последний раз Конан обошел

вокруг алтаря. Небольшая трещина на боковой стене привлекла его внимание. И еще одна, под прямым углом, и еще.

Дверь! Или камень, который можно вынуть. Значит, алтарь внутри полый! Что ж, если гигант, засыпая, и решил припрятать пару мешков драгоценных камней — лучшего места, чем в недрах своего ложа, не найти! Нужно только суметь эту дверь открыть.

Конан осторожно надавил ладонями на камень. Из недр горы донеслось ворчание. Глухой, недовольный рокот. Гора загудела. Алтарь стал вибрировать так, что каменный великан на нем трясясь, как младенец в люльке, укачиваемый нерадивой матерью.

Схватив факел, Конан бросился к выходу. Каменные глыбы над аркой шатались, опуская завесу пыли.

И уже пробегая под аркой, услышал киммериец голос, подобный гулу горного обвала. Тяжело падали чужие и непонятные слова. Язык, на котором говорил гигант, даже отдаленно не походил ни на один из языков, звучавших в современном мире.

Не выдержав, Конан остановился и оглянулся. Картина, которую он увидел, прежде чем вновь бросился бежать, навечно запечатлелась в его памяти. Великан садился на своем громадном ложе! Мелкие осколки каменной скорлупысыпались с него, как сухие листья с дерева.

Успев подумать, что внутри окаменевшей скорлупы, это просто огромный человек из плоти и крови, Конан поспешил обратно.

Акцион и Хепат приготовили животных и уже сидели меж горбов своих верблюдов, когда из недр пещеры появился Конан. Не говоря ни слова, он вскочил в седло жеребца и замер, прислушиваясь.

Вначале тишина нарушалась только храпом коня, нетерпеливо переступающего копытами, затем из глубины пещеры раздался неясный шум — будто кто-то волоком тащит повозку, у которой внезапно отвалились колеса.

— Он проснулся, — сказал Конан, повернувшись к Акциону, — ты можешь посоветовать что-нибудь, кроме бегства?

— Кроме бегства — ничего, — невозмутимо ответил колдун и тронул верблюда.

Шум, доносящийся из пещеры, все нарастал. Послышалось низкое, недовольное ворчание. Сыпались камни, гудела земля. Раздавались глухие удары, будто кто-то огромным молотом пробивал стену.

За колдуном не мешкая, устремился Хепат, громко понукая ленивого верблюда. Конан тронул коня последним. Отъехав на расстояние полета стрелы, он остановился. Из «бутылочного горлышка» пещеры густо выкатывались клубы пыли. Слышались глухие удары. Падали огромные камни. И, наконец, как вырвавшееся наружу пламя при извержении вулкана, появился с поднятыми руками ужасный гигант. С ревом он отбросил, заваливавшие его до пояса камни, выдернул ногу, затем вторую и встал во весь рост, испустив громовой вопль не то ярости, не то ликования.

Только теперь Конан смог оценить рост и мощь великана. Самые высокие деревья едва доставали ему до пояса. Мышцы рук и ног вздувались огромными буграми. Кожа гиганта была темно-коричневого цвета, а нижняя часть тела густо поросла волосами.

С трудом поворачивая голову, великан искал того, кто посмел потревожить его сон. Наконец, взгляд его нашел Конана. На долгий миг человек и гигант из старой забытой эпохи, встретились глазами. Дикую злобу прочитал Конан во взгляде великана, ненависть, желание убивать. Издав низкий рев, гигант шагнул к человеку. Похоже, что движения, после многих

тысяч лет спячки, давались ему с трудом.

Но Конан не сомневался, что скоро великан разойдется, разомнет мышцы, и тогда вряд ли от него удастся ускользнуть даже на коне. Не мешкая более, он дал шпоры жеребцу и через мгновение догнал товарищей. По счастью, уже рассвело, и можно было выбирать дорогу, не полагаясь на животных. Через половину колокола быстрой езды шум позади стих. Хепат вздохнул с облегчением:

— Похоже, он не слишком быстро бегает, этот каменный гигант!

Конан промолчал, а колдун, мрачно глянув на развеселившегося гнома, сказал:

— Он будет нас преследовать. Пойдет по нашему следу. Не знаю — по запаху, или как-то еще, но он нас найдет и убьет. Он не простит неурочного пробуждения.

— Погоняйте своих ленивых верблюдов, — пробурчал Конан, — постараемся убраться подальше, пока он еще вялый...

— Он недолго будет вялым, — заметил Актион, — полуденная жара разогреет его, а уж тогда!..

Путники галопом скакали по тропинке, петляющей среди скал. Скорее в горы! Забраться повыше, пройти узкими тропами, спутать следы, заманить великана на карнизы, нависающие над бездной, туда, где он не пройдет — сорвется в пропасть или повернет назад!

* * *

Горы встретили путешественников ворчанием отдаленных камнепадов и гулом лавин, сходящих с искрящихся снегом вершин. Преследователя слышно не было, и даже Конан почти уверился в том, что Актион по старости своей мог и ошибиться, спутать предания, или просто сгустить краски.

Но колдун выглядел мрачным и озабоченным. Он уверенно направлял верблюда в самые опасные места, где пропасть с одной стороны и отвесная стена, с другой, могли помешать громадному преследователю идти по их следам.

Только к вечеру решили сделать привал. Расположились на большом уступе, немного в стороне от тропы, под защитой огромной, нависающей над головами скалы. Ужинали жесткой солониной и сухарями. И мучительно вслушивались в звуки погружающихся в сумерки гор.

Вот где-то скатился камень. Горный козел прыгает по скалам, веселится, или?.. Где-то прокатилось эхо от упавшего в пропасть валуна. Кто его столкнул?

Камни сами падают редко... Ветер и вода десятки лет точат валуны, подмывают основание, стараются, бьются, а камень стоит. Многие годы требуются природе, чтобы подточить равновесие, сделать его шатким, и только тогда достаточно будет сильного порыва ветра, чтобы валун, наконец, покатился, увлек за собой других, создавая, таким образом, неумолимый горный обвал.

Достаточно порыва ветра... Или?.. Или кто-то может подтолкнуть — случайно — камень... Кто-то огромный может задеть его, пробираясь по следам ненавистных врагов...

— Далеко еще до твоей пещеры с источником молодости? — прервал молчание Конан.

Колдун мелко покивал. Прошептал что-то, прошамкал беззубым ртом.

— Еще дня два-три пути... если нас никто не остановит...

— Я думаю, гигант за нами не пройдет, — подал голос Хепат, — сорвется в пропасть!

— Ему не обязательно идти точно по нашим следам! — отрезал колдун, затем добавил:
— Но я имел в виду других... Пещеры, куда мы направляемся, стерегут сильные демоны... а я уже стар... не знаю, смогу ли я...

— О боги! — Синие глаза Конана полыхнули огнем. — Так ты отправился наобум?! Ты не уверен в своих силах?!

— Я попробую их обуздить, — сказал Акцион, склонив голову, — попробую...

— А кто-нибудь еще, кроме демонов, стережет сокровища? — спросил Хепат.

— Сокровища? — непонимающе переспросил колдун. — А, ну да, сокровища в соседней пещере... Их стережет дракон... как водится.

— Демоны и дракон, — проворчал Конан, — веселое у нас будет путешествие...

Ночь прошла спокойно. Путешественники дремали, завернувшись в одеяла. Только перед рассветом над горными вершинами эхом пронесся рев какого-то зверя.

Пещерный лев сообщает о неудачной охоте? Кроме него никто в горах не обладает таким голосом... Только он, огромный желтый зверь, с развевающейся по ветру черной гривой, может так рычать... Или?..

Весь следующий день продвигались по едва заметной тропинке, петляющей среди нагромождения скал. Пещерный лев подавал голос еще несколько раз.

— Нас преследуют, — сказал Акцион, — будем надеяться, что это всего лишь лев!

Конан и Хепат промолчали. Настроение у всех испортилось окончательно.

К вечеру путники забрались так высоко в горы, что постоянно давал о себе знать себе холод. Сказывалась близость ледников. Хепат, кутаясь в плащ, ворчал. Сетовал на холод, на ветер, на преследования льва, на бессмысленность их похода. Конан лишь усмехался. Но Акциону надоело нытье гнома, и он прошипел:

— Если ты не прекратишь ворчать, я потрачу на тебя одно из заготовленных заклинаний!

— И что тогда? — с вызовом спросил Хепат.

— Тогда ты превратишься в лягушку!

Конан захохотал. Он любил горы, он вырос в горах и не мог долго предаваться унынию, когда видел, как сверкают в лучах заходящего солнца величественные ледники.

— Нет, колдун, — сказал он, все еще усмехаясь, — побереги заклинание для нашего друга льва! Сегодня ночью оно тебе, я чувствую, понадобится.

Акцион как-то странно посмотрел на Конана и ничего не сказал. Или он не верил в то, что их преследует именно лев, или у него не было никаких заготовленных заклинаний.

Лев напал ночью. Громовой рык вырвал путешественников из объятий сладкой дремы. В мгновение Конан вскочил, держа перед собой меч. Акцион и Хепат выхватили кинжалы. Троє встали спиной к спине. По счастью, светила полная луна, и площадка, на которой они находились, хорошо просматривалась.

Лев вышел из-за валуна и, издавая низкое рычание, направился к стоянке. Привязанные к высохшему дереву животные в страхе пытались порвать уздечки. Затем, сбились в кучу, испуганно глядя на приближающееся чудовище. Пещерный лев-великан по размерам намного превосходил самую крупную лошадь. Его огромная голова, обрамленная великолепной черной гривой, повернулась в сторону животных.

Мгновение лев раздумывал, затем все же решил вначале покончить с людьми — этими маленькими существами, держащими в передних лапах длинные, острые шипы, доставляющие некоторые неприятности. Лев не раз имел дело с людьми и всегда побеждал их без особых хлопот. Вот только шипы иногда причиняли беспокойство. Приходилось долго

зализывать царапины.

Конан застыл, направив лезвие меча на зверя. Хепат и Атион теперь стояли у него за спиной, готовые, при необходимости, пустить в ход кинжалы.

Лев остановился и присел для прыжка, хлеща себя по бокам длинным хостом с игривой кисточкой на конце.

Конан следил за огромными мышцами льва. Вот напряглись задние ноги. Несколько раз лев переступил с ноги на ногу, как это делают все кошки перед прыжком, затем когти чиркнули по камню, и он прыгнул. Бросил огромное, состоящее из упругих мышц тело, на этих жалких людышек, одиноко и потерянно стоявших перед ним в ожидании неминуемой смерти.

В момент прыжка, а точнее на долю одного мгновения ранее, когда мышцы начали поднимать огромное тело, Конан скользнул вперед и взмахнул мечом.

Пролетая над человеком, лев вдруг почувствовал ужасную, непереносимую боль в брюхе. Такой боли он не ощущал никогда в своей долгой и удачливой жизни. Он сам причинял боль всем живым существам. Он разрывал плоть, он терзал, он упивался вкусом и запахом крови, он обожал чувствовать агонию убиваемых им существ, но никогда он не испытывал того, что чувствовали его жертвы. И вот теперь... Он заревел от этой, сводящей с ума, всепоглощающей боли.

Удар меча Конана рассек льву брюхо, как бурдюк с вином. И как вино из бурдюка, из раскроенного брюха чудовища хлынула кровь. А, падая на землю, в том месте, где еще недавно стояли его испуганные жертвы, лев увидел, что кишки его достигли земли значительно раньше его самого. Оглашая окрестности ужасным ревом, он попытался лизать рану, но она была слишком обширна и слишком кровоточила, чтобы охватить ее языком. И впервые лев понял, что его победили.

Дремучим, маленьким мозгом хищника, инстинктом зверя он понял, что его удачливая, приводящая к смерти всех, с кем он сталкивался, жизнь — закончилась. Он зарычал скорее жалобно, нежели грозно и с тоской в желтых глазах, в которых отражалась холодная, полная луна, глянул на своего убийцу.

Бесшумной тенью скользнул Конан за спину поверженного великана и точным ударом прекратил муки хищника — пронзил мечом его огромное сердце.

— Надо насобирать дров, — хрипло сказал гном, — сегодня у нас свежее мясо...

— Впечатляет... — помолчав, сказал Атион. — Я все больше убеждаюсь, что ты необыкновенный человек, Конан, и судьба у тебя будет необыкновенная... Не знаю, добудем ли мы корону, но королем ты станешь в любом случае...

А Конан, задумавшись, все стоял над телом поверженного льва, и с огромного меча капала на камни темная в лунном свете кровь.

Мясо старого льва было жестким, как сущеная солонина, и невкусным, но Хепат, которого обязали развести костер и поджарить лучшие куски, ел с большим удовольствием и нахваливал свое поварское искусство. Атион, с трудом проглатывая плохо прожаренные ломти, угрюмо молчал. Конан также не склонен был разговаривать в то время, когда его крепкие зубы расправлялись с твердым, как дерево, мясом. Это давало простор Хепату, ставшему после пережитого ужаса на удивление словоохотливым.

— Когда он прыгнул, я приготовился бросить кинжал, — невнятно говорил он с набитым ртом, — я целил в глаз льву и конечно бы попал. Конан меня опередил, а то... я бы... — и он брал новый дымящийся кусок.

Некоторое время гном жевал молча, но долго молчать было выше его сил.

— Ты ведь знаешь мой кинжал? — обращался он к угрюмому Акциону. — Я как-то бросил его в Итилию и чуть не убил...

Вспомнив Итилию, гном загрустил. Где-то она сейчас... Конан сказал, они надоели друг другу... Ему, Хепату, последнему... из клана... она бы никогда не надоела... никогда.

— А где сейчас наша красавица Итилия? — спросил колдун, бросив пытливый взгляд на Конана.

— Поехала завоевывать южные королевства... — недовольно проворчал Конан.

И колдун, и гном, ждали продолжения, но так и не дождались. Конан молчал.

Насытившись, трое спутников вытянулись у потухающего костра. Восходящее солнце осветило эту странную троицу — воителя в богатырском доспехе, гнома с длинным крючковатым носом, увенчанным двумя бородавками, и дряхлого старика-колдуна с растрепанными седыми космами.

Следующий день небольшой караван медленно и осторожно продвигался по горным, козьим тропам, направляясь в самое сердце диких Кезанских гор.

Преодолевали перевалы, спускались в долины, пробирались по тропинкам, где каждый шаг грозил неминуемой гибелью. Наконец, Акцион торжественно объявил, что скоро они вступят в охраняемые пределы. На просьбу Хепата рассказать подробней, только усмехался неприятной, мокрой усмешкой.

На ночь остановились под искривленными, горными соснами, чудом росшими на камнях.

— Вот она, сила жизни! — старый колдун ласково погладил корякое дерево. — Живет, растет, вопреки всему! На камнях, открытое всем ветрам! Что скажешь, Конан?

Но Конан, последнее время к чему-то напряженно прислушивающийся, заговорил не о силе жизни.

— Кто-то приближается... Осыпаются камни... И все ближе.

Акцион побледнел и прошептал:

— Я говорил, что он найдет нас...

— Этого не может быть! — дрожащим голосом воскликнул гном. — Я ничего не слышу!

— Зато скоро увидишь...

Темнота еще не успела накрыть даже горные ущелья, как на фоне огромного заходящего солнца чудовищным пауком появился гигант, на четвереньках пробирающийся по горным вершинам. Грохот камнепада становился нестерпимым. При каждом шаге великана вниз срывалась несколько камней, которые, увлекая за собой других, обрушивались в пропасть стремительной горной лавиной.

— Что будем делать? — мрачно спросил Конан.

Акцион сосредоточенно молчал. Хепат дернул его за рукав:

— Как там твои заклинания? Ты сможешь, хоть что-то сделать?!

— Не знаю... я попытаюсь, но силы... я слишком стар...

С горных вершин гигант увидел ненавистных людей. Издав ликийший вопль, от которого у Хепата заложило уши, он стал осторожно спускаться. Камни с грохотом сыпались в пропасть. Солнце все еще освещало эту ужасную картину — спускающийся на четвереньках огромный человек, похожий на страшного, неестественного, уродливого паука, плетущего на горных вершинах свою отвратительную, липкую сеть.

Отступать было некуда. Позади — бездонная пропасть. Впереди — спускающийся с гор

великан. Путешественники оказались на небольшом карнизе, нависшем над пропастью. Бежать вперед или назад по козьей тропе? Догонит в два-три шага... Конан видел, что исполин двигается, на сей раз проворно и ловко. Попытаться поразить мечом? Но вряд ли удастся подойти к нему на удар...

Гигант осторожно спустился на уступ, на котором расположились на ночевку путники, и присел на корточки, стараясь лучше разглядеть своих ничтожных противников. Вот один замер с мечом в руках. Жалкий кусок мяса! В огромной голове тяжело ворочались сумеречные мысли. Жалкие кусочки сырого мяса! Посмевшие разбудить его раньше срока! Он не ведал, когда должен был подойти срок пробуждения. Но он знал, что почувствовал бы его! Как почувствуют его братья, которые будут спать еще очень долго и проснуться, когда земля расцветет, а люди намерено расплодятся. Когда исчезнет, уйдет в иные миры раса демонов. Когда боги перестанут вмешиваться в людские дела. Тогда его братья восстанут, чтобы властвовать! Тогда они сами станут богами! А он — благодаря этому маленькому куску мяса — уже не станет богом! Он разбужен раньше срока и теперь только месть, месть всем людям станет целью его жизни!

Конан, сжимая рукоять меча, стоял, готовый к немедленному действию. Как поступит великан? Попытается их раздавить? Или выдернет сосны, к которым привязаны животные, и использует их, как дубины?

Акцион что-то сосредоточенно бормотал, делая руками плавные пассы. Хепат с затравленным взглядом судорожно сжимал кинжал.

Гигант вдруг оглушительно захохотал. Наслаждаясь растерянностью своих жертв, он протянул огромную длань и схватил одного из верблюдов. Поднял и с силой бросил на камни. Животное осталось недвижимым. То же произошло со вторым верблюдом. Затем великан поднял вороного жеребца. Несколько мгновений смотрел на него взглядом, полным ненависти, потом другой рукой обхватил его голову. Раздался громкий хруст. Меж огромных пальцев брызнула кровь вперемежку с костями и мозгом благородного животного.

В этот момент Конан бросился вперед, к ногам гиганта и нанес ему ужасный, рубяще-режущий удар чуть выше пятки. Этот страшный удар «с потягом», когда меч в момент соприкосновения с телом противника тянется на себя, не только разрубая, но и разрезая плоть, возымел свое действие. Великан завыл так, что у Конана заложило уши, когда он проворно отбегал за пределы досягаемости рук гиганта.

С грохотом, огромный, как скала, доисторический человек, рухнул на землю, корчась от боли. Ладонями зажимал он страшную рану, из которой фонтаном била кровь. Но когда Конан попытался еще раз приблизиться к великану на удар меча, тот приготовился схватить ненавистного человека, осмелившегося причинить ему такую боль. Гигант сидел, одной рукой зажимая рану, а другой — пытаясь поймать ускользающего противника. Конану пришлось отступить.

В этот момент Хепат метнул кинжал в огромную спину великана. Промахнуться было невозможно. Фамильный кинжал гнома глубоко вонзился в плоть исполина. Испустив злобный рев, гигант попытался свободной рукой дотянуться до кинжала.

Конан понял, что настал еще один благоприятный момент. Он бросился вперед, в тот миг, когда рука великана шарила за спиной, и, размахнувшись, обрушил всю тяжесть меча на коленную чашечку здоровой ноги своего чудовищного противника. Теперь великан ревел непрерывно. Дотянуться до кинжала ему так и не удалось. Коленная чашечка была разрублена надвое, натянутая кожа раздвинулась, обнажая две белые половинки

разрубленной кости.

Изнемогая от боли, издавая непрерывное громовое рычание, великан пополз к отбежавшему на безопасное расстояние Конану. Он больше не обращал внимания на раны, ему требовалось одно — схватить и раздавить этого человека, причиняющего такую боль. Поймать, сдавить так, чтобы кровь брызнула в стороны, чтобы затрещали сминаемые кости, чтобы он превратился в кровавое месиво!

Положение становилось угрожающим.

На небольшой площадке Конану трудно было уворачиваться от загребающих окровавленных рук гиганта. А он все полз вперед, опираясь на здоровое колено, непрерывно надсадно воя, и хватая воздух в тех местах, где только что находился Конан.

Акцион в течение всей схватки что-то бормотал, раскачиваясь и размахивая руками.

— Конан! — он попытался перекричать рев великана. — Я отворил ему кровь! Скоро он истечет кровью!

И действительно, из ран гиганта били мощные темно-красные фонтаны. Даже кинжал гнома, глубоко вонзившийся в тело, был вытолкнут напором крови и отброшен далеко в сторону.

Вся каменная площадка теперь была мокрой от крови. Риск поскользнуться и попасть в лапы великана для Конана возрос невероятно.

— Уходи на тропу, Конан, на тропу! — кричал Акцион, размахивая руками.

Услышал его киммериец, или нет, но узкая тропа в любом случае была единственным возможным местом для отступления. Конан осторожно, стараясь не поскользнуться, побежал к тропе, петляющей у скал. Великан сверкнул глазами и пополз следом. Несмотря на раны, и фонтаном бьющую кровь, он сохранил силы и передвигался довольно быстро.

Конан скользнул на тропу. С одной стороны — пропасть, с другой — отвесная скала. Но передвигаться по узкому карнизу в намокших, напитавшихся кровью и ставших скользкими сапогах было небезопасно. Осторожно Конан пробирался по тропе, стараясь уйти как можно дальше, пока гигант еще не мог до него дотянуться.

Видя, что добыча ускользает, великан сделал отчаянный рывок. Оставляя за собой кровавый след, он бросился вперед, протянул руку...

Конан успел увернуться и пробежать по тропинке еще несколько десятков шагов... Гигант, непрерывно издавая низкое, злобное рычание, попытался протиснуться вперед... не упустить этого ненавистного злодея, дерзнувшего разбудить его и нанести такие болезненные раны!..

Конан уходил вверх по тропе... Исполин боком втискивал огромное тело на узкий карниз... еще немного... стоит только подальше протянуть руку... Этот жалкий человечишко со страхом оглядывается... он знает, что его сейчас раздавит кулак...

Хриплый крик падающего в пропасть гиганта эхом разлился по ущельям. Конан, направляясь назад, осторожно ступил на скользкие, черные от густеющей крови великана камни. Прошел опасное место и уже обычным, спокойным шагом подошел к товарищам.

Хепат оттирал кинжал. Руки его слегка дрожали, а нос издавал невнятное сопение. Акцион, шатаясь от усталости, сказал:

— Пропасть в этом месте бездонна... Ему не выжить, даже если бы я и не отворил ему кровь...

— Отворить-то отворил, да только он успел бы всех нас передушить, пока бы обессилел... — бросил Хепат.

— Ну, я сделал все, что мог... — колдун в изнеможении присел на камень. — И все-таки... если бы он не истекал кровью и его движения не замедлились... он поймал бы Конана!

— Сомневаюсь... — гном засопел сильнее обычного.

— Ладно, — Конан с грустью посмотрел на останки животных, — теперь нам придется всю поклажу нести на себе... Далеко еще до твоей волшебной пещеры?

* * *

Путники стояли перед изрезанной трещинами огромной скалой. Вершина ее куталась в облака, как в белое, пушистое одеяло. Сама скала гордо стояла в небольшом распадке, между заснеженными вершинами и излучала спокойное величие.

— Вот она, «Скала семи демонов», как ее называют мудрецы и маги, — Акцион с благоговением простер руки, — я видел ее только на рисунках... Но путь к ней я знал с самого детства!

— Все это хорошо, — бросил Конан, — что дальше?

Акцион пожевал сморщенными губами. Помолчал, будто припоминая что-то.

— Дальше? Дальше я должен подготовиться... Затем в одной из расщелин мы найдем проход... В самые недра гор...

— А как там насчет тех самых семи демонов? — встрял Хепат.

— Я попытаюсь их укротить...

Конан крякнул и сбросил с плеч объемную сумку.

— Сколько времени займет подготовка?

— Дня, два-три...

— Значит, разобьем лагерь вон под теми деревьями...

В течение следующих дней Акцион непрерывно бормотал заклятия, варил в котелке густое, дурно пахнущее зелье, размахивал руками, все больше походя на буйного сумасшедшего. Хепат заготавливал смолистые факелы для длительного похода в недра гор. Конан сделал несколько вылазок, обследуя трещины в скале, ибо Акцион не знал, в какой именно расщелине скрыт путь в волшебные пещеры. Учитывая, что трещин в огромной скале было предостаточно, работа предстояла большая. Некоторые расщелины тянулись на десятки метров и только затем заканчивались тупиком. Другие были не так глубоки, но имели многочисленные разветвления.

Наконец, в конце одного длинного извилистого хода, Конан обнаружил тоннель, явно искусственного происхождения. Стена тоннеля, на всем его протяжении, была испещрена странными, непонятными знаками. Десять шагов в длину имел этот каменный коридор и заканчивался лестницей, круто уходящей вниз.

Вернулся Конан довольный. Хепат, возомнивший себя хорошим поваром, варил в котелке похлебку из жесткого просоленного мяса. Акцион сидел с отрешенным видом, вперив безумный взор в облака.

— Конан, — прошептал гном, оторвавшись от таинственного процесса приготовления пищи, — мне кажется, что колдун сошел с ума... Никаких сокровищ нет! Он просто захотел вернуть молодость и придумал эту пещеру...

— Может и так, — рассудительно произнес Конан, — но кое-что я нашел.

Хепат с загоревшимися глазами приготовился слушать. Но Конан в нескольких скрытых словах сообщил о тоннеле с загадочными письменами, затем прилег под деревом и задремал в ожидании обеда.

В этот момент Акион встал, расправил сутулые плечи и торжественно произнес:

— Я готов! Я могу усмирить демонов! Мы можем отправиться немедленно!

— Вначале пообедаем, — сказал Конан.

После того, как котелок опустел, спутники оставили в лагере, завалив камнями, часть поклажи, а сами налегке отправились к величественной скале.

Через половину колокола Акион сосредоточенно рассматривал надписи, выбитые на стене тоннеля.

— Не понимаю... — бормотал он, — не понимаю...

Однако Конан заметил, что колдун слишком долго рассматривает чуждые слова и странные знаки, водит пальцем, как человек, который все же разбирает текст, хотя и с трудом. Никто не будет так долго и с таким тщанием рассматривать надпись, где он не может понять ни одного слова!

Оторвавшись, наконец, от стены, Акион сверкнул глазами:

— Мы можем двигаться.

Но Конан бесцеремонно придержал его за воротник.

— Что ты прочитал?

Заметив, что в синих глазах киммерийца зажглись недобрые огоньки, Акион забормотал:

— Я не все понял... Ну... там про демонов, охраняющих сокровища... словом, предупреждение. Но мы-то об этом уже знаем...

— И все?

— Все, что я смог разобрать...

— Смотри, колдун!.. Лучше тебе не пытаться обмануть нас! — Конан взял у Хепата факел и шагнул вниз, на лестницу, уводящую в непроглядную тьму.

Казалось, что ступени не кончатся никогда. Факел освещал небольшой участок пути, по которому спускались путешественники.

Впереди и позади — абсолютный мрак. Темнота столь густая и затхлая, что начинало теснить дыхание, першить в горле, постоянно хотелось откашляться.

— Мы по этой лестнице спустимся в преисподнюю, — проворчал Конан, — стоило забираться под облака, чтобы потом спускаться к самым корням гор!

— Другого пути нет! — весело сказал Акион, и Конану почудилось, что рядом с ним не стариk с безумным взором, а прежний веселый колдун — уверенный в себе балагур, любитель опасных приключений.

Факел стал чадить, мигать. Явственно ощущался недостаток воздуха. Гном, который нес на спине огромную охапку запасных факелов, вспотел так, что капало с носа. Акион стал хрипеть и задыхаться — сказывалась старость. И только Конан выглядел по-прежнему бодрым и свежим, будто не шагал в течение нескольких утомительных колоколов по мрачной лестнице, а вышел ранним утром на легкую прогулку.

— Они... — хрипел Акион. — Они пытаются нас задушить...

Спотыкаясь, он едва волочил ноги. Конану пришлось отдать факел гному и поддерживать старого колдуна, повисшего на нем, как плащ на сучке дерева.

Духота становилась невыносимой. Акион полностью обессилел. Хепат дышал

надсадно, со свистом. Присели на ступеньки.

— Если это работа демонов, — начал Хепат, — то ты мог бы что-то сделать! Ты же готовил заклинания!

Акион встрепенулся.

— Да, да... конечно... — он стал что-то бормотать, увеличивая темп.

По мере того, как колдун читал заклинания, дышать становилось легче. Факел вновь вспыхнул веселым светом. Конан и Хепат вздохнули, наконец, полной грудью. Акион замолчал и привалился к стене.

— Придется немного отдохнуть, — сказал Конан, глядя на обессиленного старого колдуна.

— Как долго еще спускаться? — спросил Хепат

— Теперь уже не долго, — отдохнувшись, прошептал Акион, — скоро мы вступим в «Затерянные пещеры». Где-то там дракон стережет сокровища... И только победив его, мы сможем пройти дальше — к источнику молодости и короне абсолютной власти...

— Я правильно понял? — Конан слегка усмехнулся. — Вначале мы завладеем сокровищами?

— Да... если победим дракона... Но ты должен пообещать, Конан, что не бросишь меня, когда сокровища будут у тебя в руках... Ведь тебе нужна еще и корона... Ты должен стать королем, Конан...

Киммериец долго молчал. Прислушивался к себе. Хмурил брови. Хепат с тревогой наблюдал за ним. Акион с нетерпением ожидал ответа.

— Клянусь Кромом, я не брошу тебя и помогу добраться до источника! — спокойно сказал, наконец, Конан. — А насчет короны... посмотрим.

— Ну а сокровищ наберем столько, сколько сможем унести, — добавил гном бодрым голосом, — я давно хотел купить небольшой дворец и жить там тихо-мирно.

Спутники поднялись и зашагали по ступенькам. Скоро лестница действительно кончилась. Небольшой проход вел в огромную пещеру. Разноцветные сталактиты в беспорядке свисали со сводов, и пламя факела отражалось в каждом небольшой радугой. По дну пещеры весело журчал ручеек.

— Это явно не тот, что нам нужен, — пробормотал Хепат, пробуя на вкус чистую ледяную воду.

Присев на камень, Акион нахмурил седые брови.

— Теперь, среди сомнуща пещер мы должны найти нужную... Я знаю некоторое приметы, но, похоже, что нам придется изрядно побродить...

— А демоны? — спросил Хепат.

— Вначале, я думаю, мы встретимся с драконом...

Конан поднял факел и осмотрелся. Конец длинной пещеры утопал во мраке. В каждой стене виднелось несколько отверстий, ведущих в соседние пещеры. А оттуда — дальше. И так без конца. Блуждать в этих лабиринтах можно было весь остаток жизни.

— Мы не можем бродить наугад! — Конан посмотрел на Акиона. — Думай! Думай, вспоминай, колдуй, но ты должен указать нам точный путь!

Акион поднял скрюченный палец, одновременно с рождением звука.

— Он сам нам укажет! Теперь я понял, почему в свитках не указывали точные ориентиры!

Звук нарастил. Теперь стало понятно, что это яростный рев огромного живого существа.

Раз за разом эхом прокатывался по пещерам этот зловещий рык, исторгаемый чудовищной глоткой и огромными легкими. Но после многократного эха трудно было определить место, где находился дракон. Хепат и Атион яростно заспорили. Каждый показывал в другую сторону. Конан постарался вспомнить момент самого зарождения звука... С какой стороны?.. Откуда пришел этот рев? Кажется, прав был Хепат — он показывал, похоже, в нужном направлении. Кроме того, гном лучше людей понимает пещеры...

— Я согласен с Хепатом, — бросил Конан, — пошли!

В течение нескольких колоколов путешественники бродили по пещерам и переходам. Сворачивали в небольшие ответвления, пробирались узкими тоннелями с тем, чтобы вновь выйти в огромные пещеры, изукрашенные разноцветными сталактитами и сталагмитами. Еще несколько раз слышался рев дракона, теперь гораздо ближе. Это помогало выбирать примерное направление.

— Дракон почувствовал нас и почти проснулся, — сказал как-то Атион, — он спал двести пятьдесят лет...

— А почему не пятьсот? — полюбопытствовал гном. — Откуда такая точность?

— В тайных свитках, доступных только избранным, я читал, что последний раз пытались добыть сокровища двести пятьдесят лет назад.

— А чем это все закончилось — ясно, — проворчал Конан.

— Да, но с ними не было великого воина Конана и великого колдуна... — Атион закашлялся, затем уже шепотом закончил: — Великого колдуна Атиона.

Если этой речью он надеялся воодушевить товарищей, то достиг противоположного результата. Конан угрюмо усмехнулся, а Хепат с презрением посмотрел на собенную фигуру «великого колдуна» и громко, чтобы все слышали, со стоном вздохнул.

Заночевать решили в небольшой тупиковой пещере. Конан расстелил одеяло, скорее, по привычке, нежели опасаясь чего-то, положил меч у правой руки и мгновенно заснул. Хепат долго укладывался, ворочался, мостился. Затем, подождав, пока приткнется у стены Атион, загасил факел и подготовился погрузиться в сон.

Всепоглощающая темнота враз накрыла его черным пологом. В этих пещерах не росли светящиеся растения пухо, и темнота была абсолютной. Что откроешь глаза, что закроешь... Можешь даже выколоть — ничего не изменится... Выколоть глаза... интересная мысль... Что если для пробы выколоть глаза Атиону? Как он будет ориентироваться в пещерах? Мысль настолько захватила гнома, что, приподнявшись, он нашупал на поясе кинжал. Нужно только чиркнуть пару раз по глазам — и затем наблюдать... Но Конан... он не одобрит такое поведение... Придется чиркнуть и ему... Ничего, потом я его выведу, и буду заботиться о нем до конца жизни... Ничего... Глаза ему и не понадобятся...

Хепат, вытащив кинжал, пытался сообразить, в какой стороне спят его товарищи. Сначала нужно найти Атиона, затем Конана...

Атион, прижавшись к стене, пытался заснуть. В голову лезли странные, чужие мысли. Кто-то настойчиво советовал убить спутников и самому завладеть короной и сокровищами. В самом деле — зачем Конану корона? Он — варвар! Какой из него король? Хотя, нет... король-то из него, как раз получится... Но он и так станет королем... Без волшебной короны... А вот, ему, великому колдуну Атиону, после того как он вернет себе молодость, корона будет в самый раз! Абсолютная власть! Разве не об этом мечтает каждый смертный?! Власть над ничтожными, жалкими пресмыкающимися, которые называют себя людьми! Давить их, собирать налоги, вешать непокорных, отрубать головы... рубить, рубить саблей,

мечом, топором!.. Где там этот ненавистный гном?! Вздыхает! Он меня — меня! — считает дряхлым стариком! Ничего, у меня еще хватит сил выпустить ему кишки. Ему, а затем и этому самонадеянному киммерийцу! Он, конечно, воин — с этим не поспоришь... Но зачем он мне? У меня будет корона... у меня будет молодость... сокровища... Где мой кинжал?

В этот момент вспыхнул огонь. Конан стоял, высоко подняв факел, и молча смотрел, как два существа с искаженными лицами, в которых уже не осталось ничего человеческого, ползут друг к другу.

— Опомнитесь! — рявкнул он, пиная Актиона в бок.

Колдун опрокинулся навзничь, и постепенно глаза его стали осмысленными.

— А ты?! — Конан сгреб Хепата за шиворот и потряс так, что тот уронил кинжал и громко лязгнул зубами.

— Что это было? — прошептал Актион. — Это чужие мысли... Я понимаю... Дракон...

Хепат все еще бессмысленно таращился на огонь, когда Конан спокойно сказал:

— Я почти сразу почувствовал, что в голову мне кто-то лезет. Наверное, и к вам тоже. Дай, думаю, запалю факел, пока они друг друга не перерезали!

— О боги! — стонал колдун. — Я поддался! Я поддался внушению дракона... Как это могло случиться?.. Я стар... Я слишком стар...

— Конан, а что тебе нашептывал дракон? — Хепат пришел, наконец, в себя, спрятал кинжал и смотрел на друга, виноватыми, собачьими глазами.

— Неважно! — отрезал киммериец. — Важно, что я не поддался! А вы — поддались!

— Давно известно, что драконы умеют уговаривать, — прошептал колдун, — теперь я знаю, как это бывает...

— Отдайте-ка мне кинжалы! Утром получите назад!

Конан положил оружие товарищей себе под бок, и что-то проворчав, вторично приготовился погрузиться в сон. Хепат загасил факел, и пещера вновь погрузилась в темноту.

Утра в темноте, естественно, не было. Первым проснулся Конан, запалил факел и придиричиво осмотрел спящих товарищей. Впрочем, он уже знал, что ночь прошла спокойно. Дракон не стал повторяться. Это следовало запомнить. Очевидно, старый, мудрый дракон презирает повторные попытки.

Растолкав колдуна и гнома, Конан поднял кинжалы. Если старинный фамильный клинок гнома был ему уже знаком, то на оружие Актиона он взорвался с удивлением. Изящная и грозная вешица с длинным прямым, узорчатым клинком, изрисованным загадочными знаками. Наметанным глазом воин определил, что кинжал колдуна был изготовлен во времена такой седой древности, когда, вероятно, еще даже не зародилась современная цивилизация. От клинка веяло силой, спокойствием, уверенностью. На нем, казалось, остались капельки крови бесчисленных жертв этого грозного оружия, отчего он блестел и переливался в свете факела разноцветными огоньками.

На миг Конану почудилось, что кинжал не просто отбрасывает свет, но и сам излучает слабое, мерцающее свечение. Искусно вырезанная из кости рукоятка казалась воздушной, а сверкающие огромные драгоценные камни горели мрачным светом и сами по себе являли целое состояние.

Со странной неохотой протянул Конан колдуну его оружие. Пальцы не желали отдавать кинжал, прилипали к нему, пытались покрепче ухватить, забрать себе, спрятать, скрыть, украдь.

Актион, конечно, все понял и спокойно наблюдал за борьбой в душе Конана. Он знал

свойства своего оружия — этого древнего колдовского артефакта, бесчисленными тысячелетиями передававшегося от учителя к ученику. И с благодарностью глянул в глаза киммерийца, принимая оружие. Он пояснил:

— Я знаю его свойства... Но, поверь, владеть им могу только я. Любого другого он уничтожит.

Передав кинжал законному владельцу, Конан почувствовал облегчение. Встряхнув головой, прогнал остатки наваждения.

— Кто же и когда его изготовил? Какой великий мастер?

— Имя мастера давно утеряно, Конан. По преданию первым владельцем кинжала был великий маг... — и Атион назвал странно звучащее имя. Такого сочетания звуков ни Конан, ни Хепат никогда не слышали. — Он и помог мастеру изготовить клинок. Помог волшебством, силой магии. Так что, можно сказать, что он его и сделал... Это было задолго до возникновения цивилизации хайборийцев... Этот кинжал видел такое... Если бы он умел говорить... — старый колдун забормотал, зашептал что-то, и Конан заметил, что в его глазах засверкали слезы.

Рев дракона вернул Атиона к действительности. Теперь не составляло большого труда определить направление. Чудовище находилось где-то рядом.

Мрачно переглянувшись, товарищи двинулись в нужном направлении. После нескольких переходов через большие пещеры и довольно узкие тоннели, они вышли к необъятной пещере, стены которой к удивлению Конана были обработаны искусными камнетесами. Но каким же ростом обладали эти мастера-камнетесы, чтобы вырезать изящные узоры на своде пещеры, в высоту достигавшей тридцати-сорока локтей?! Одна стена пещеры — искусно отполированная — отражала свет факела, переливаясь всеми цветами радуги. В нескольких местах в стене виднелись огромные куски хорошо обработанного кварца. Витые колонны украшали другие стены. По углам высился огромные каменные изваяния чудовищ. Невероятных размеров каменный великан, похожий на того, которого разбудил Конан, воздев руки, поддерживал свод в одном углу. В другом — колоссальная змея обвилась вокруг колонны, и смотрела сверху немигающими рубиновыми глазами. Следующий угол украшал вставший на дыбы огромный слон, у которого из пасти торчали не два, а четыре бивня. И, наконец, последний угол — тот, у которого, выйдя из тоннеля, стояли путешественники, — был украшен драконом, подставившим змеиное тело под свод этой великолепной пещеры. Кроме того, в самом центре также высился исполинский каменный дракон, с распростертыми крыльями и вытянутой шеей, увенчанной головой, величиной с большую крытую повозку, которую смогут сдвинуть с места только пара хороших быков.

Атион быстро приложил палец к губам, затем шепнул:

— Тот, что в центре — не каменный. Это сторож. Тот самый...

Все трое попятались и укрылись в тоннеле, отойдя на приличное расстояние.

— Но я готов поспорить: он такой же каменный, как и те, что по углам! — негромко воскликнул Конан.

— Те, что по углам... Гиганта ты, надеюсь, узнал? Они тоже... Они спят, покрытые каменной скорлупой, и более глубоким сном, чем тот, наш... Из них сделали украшения, но дракон сможет разбудить их в любой момент... А сам он, — Атион старческим движением почесал согнутую спину, — сам он... как бы в полудреме. Но нас-то он почудял еще ночью... Вероятно, периодическим ревом он уже начал их пробуждать...

— И скоро, стало быть, нам ждать драконьего факела? — Конан нахмурил брови.

— Не знаю, как скоро, но факел будет...

— Ну а где сокровища-то? — перебил Хепат. — Может быть, мы тихо прокрадемся и...

— Предания говорят, что сокровища под ним. Он сидит на плите, под которой находятся те самые несметные сокровища дракона.

— Так нам придется еще и плиту поднимать?! — спросил Хепат, как будто все остальное — дело уже ясное и решенное.

Взгляд Конана заставил его заскучать и заняться подготовкой следующего факела. И внезапно все сообразили, что пещера неплохо освещалась.

— Да, — сказал Акион, — этот свет дают некоторые минералы... Я сейчас понял... Так что, факелы нам пока не понадобятся.

— Ну, хорошо... — Конан поскреб подбородок. — Как нам одолеть дракона? Может, попытаться, пока он не проснулся окончательно...

— Подбежать и отрубить голову? — с мрачной усмешкой закончил Акион. — Дело в том, что пока он спит — он как каменный, меч не возьмет. А когда разогреется, тогда подойти к нему будет сложно...

— Так какого демона ты нас сюда привел?! — Конан начал не на шутку сердиться.

— И где твои заклинания?! — добавил Хепат.

— Заклинания при мне, — спокойно сказал колдун, — попробуем так: он будет разогреваться, а я постараюсь удержать его в полусонном состоянии до тех пор, пока плоть его не прогреется достаточно, чтобы можно было взять ее мечом.

Внезапно Конан заметил странные действия гнома. Одной рукой Хепат пытался выхватить кинжал, а другой — вогнать его обратно в ножны. При этом он что-то жалобно бормотал, стонал, и из глаз его катились крупные слезы.

— Дракон опять начал свои игры, — Акион тоже заметил состояние Хепата и, сделав несколько плавных пассов, щелкнул пальцами над волосатым ухом гнома.

— А? Что? Опять? — заметался Хепат. — Он приказывал мне убить... Я держался из последних сил...

Акион посмотрел на Конана, пожевал губами.

— Тебе придется присмотреть за ним... Он самый слабый...

— Присмотрю, — угрюмо бросил киммериец и, взяв друга за ворот, поставил его, как кувшин, рядом с правой ногой.

— Теперь так, — Акион выпрямился, глаза его горели, движения стали точными и уверенными, — я буду держать дракона, пока его плоть не станет мягкой... Как только дам знак — тогда вперед! Но я уже помочь ничем не смогу.

Колдун сосредоточился и монотонно забормотал заклинания. Затем, делая плавные магические жесты в сторону пещеры, начал что-то напевать. Солнная волна ударила в голову Конана. Хепат заснул мгновенно. Акион отсыпал сонные заклинания в сторону дракона, но мощь их была так велика, что Конану приходилось трясти головой, растирать лицо ладонями, прохаживаться взад-вперед по тоннелю, словом делать все, чтобы не поддаться чарам, навеваемым враз помолодевшим колдуном.

Трудно сказать, сколько времени Конану пришлось бороться со сном. Казалось, что прошла вечность. Наконец, колдун кивнул — пора.

Киммериец обнажил меч и двинулся в пещеру, успев краем глаза заметить, как зашатался и рухнул позади Акион.

Скользящим шагом Конан пробежал по тоннелю. В пещере, похоже, ничего не

изменилось — дракон все так же восседал в центре, вытянув шею. Только из пасти его тянуло дымом. Беловатый дым завивался кольцами и уплывал под украшенные резьбой своды.

«Не спеши, герой, — услышал вдруг Конан грустный, проникновенный голос у себя в голове, — не спеши, мы можем договориться...»

Конан молча направился к дракону.

«Колдун обманул тебя, герой, — продолжал дракон, — в соседних пещерах нет короны абсолютной власти. Есть только источник молодости. Он-то и нужен колдуну. А короной он просто заманил тебя, чтобы ты добыл ему мои сокровища».

Конан прошел почти половину пути. Дракон явно находился в заторможенном состоянии. Но уговаривать он мог и пользовался этой возможностью.

«Колдун оставил для тебя заклинание остановки сердца, — грустно произнес дракон, — как только ты убьешь меня и добудешь сокровища, он воспользуется им! Он несколькими словами остановит твоё сердце, герой, потому что ты ему будешь уже не нужен!»

Конан шел вперед, но на лице его появилось задумчивое выражение.

«Он вынужден будет убить тебя, ибо ты можешь спросить его — где же обещанная корона? Он убьет тебя, герой, убьет...»

Конан уже почти достиг плоского постамента, на котором восседал дракон.

«А корону ты можешь завоевать с моей помощью, — дракон продолжал уговаривать Конана и делал это весьма убедительно, — мы заключим с тобой договор: я отдаю тебе одну треть сокровищ, а это больше, чем смогут унести десять волов, затем помогаю сесть на трон любой страны, по желанию. Поверь, мне нетрудно будет появиться над столицей, посеять панику, истребить половину войска и убить короля. Короли — слабые люди. Да он сам себя зарежет! Ты ведь узнал теперь, что я умею делать со слабыми людьми? Король умирает, страна в панике, тут появляешься ты и спасаешь государство. Ты — король! И у тебя будет столько сокровищ, что ты сможешь набрать самую сильную армию и завоевать весь мир! Я и в этом смогу тебе помочь! А сокровища — треть того, что я накопил за многие тысячелетия, — я сам принесу тебе, ибо ты не сможешь их отсюда унести. Подумай — даже если ты убьешь меня, ты не унесешь сокровища!»

Конан вплотную подошел к дракону. Гигантское тело, покрытое прочной чешуей, обдавало жаром. Из полуоткрытой пасти валили густые клубы дыма. Еще немного, и огненный факел — знаменитый факел драконьего пламени — испечет заживо любого, на кого уставится тусклый глаз чудовища.

«Ну что, герой? Ты согласен заключить договор с драконом? Имей в виду — многие короли древности только так и садились на трон! Только заключив договор! Соглашайся! Соглашайся, пока не поздно!»

В последних слова дракона уже не было грусти. Звучала, скорее, радость, злорадство, удовлетворенность тем, что удалось в душе героя посеять сомнение, удалось немного замедлить его шаг, протянуть время.

Еще немного, и сонная пелена, навеянная колдуном, окончательно спадет, тело разогреется, и тогда герой перед смертью горько пожалеет, что пришел сюда с мечом в руке!

Конан прикинул расстояние до вытянутой шеи дракона — мечом достать можно, но с трудом. А если он поднимет голову... От тела чудовища веяло жаром, как от раскаленной печки.

Голова дракона стала медленно поворачиваться. Тусклые глаза прояснились. Конан,

размахнувшись, нанес удар, в который вложил всю силу. Лезвие меча глубоко вонзилось в шею чудовища. Дракон издал хриплый рев. Из раны фонтаном брызнула черная кровь. Закончить дело необходимо вторым, точным ударом. Трудность состояла в том, чтобы попасть в то же место. Только в этом случае можно было надеяться отрубить дракону голову.

Краем глаза Конан увидел, как сбоку поднялась огромная когтистая лапа. Отскакивая в сторону, киммериец заметил, что из пасти дракона уже вырывается пламя. На короткий миг они встретились глазами — человек и дракон. И в тот же миг то место, где мгновение назад стоял Конан, было опалено огнем. Почернели и потрескались камни. Пещера наполнилась дымом. Невзирая на страшную рану на шее, дракон, хоть и с трудом, но поворачивал голову, пытаясь накрыть ускользающего гиганта огненным факелом. Конану приходилось постоянно перебегать с места на место, прыгать, делать финты и неожиданные повороты. Жара, наполнившая пещеру, мешала дышать, пот заливал глаза.

— В то же место, — бормотал Конан, наблюдая за поворотами головы чудовища, — в то же место... иначе...

Наконец, представился случай. Сделав вид, что собирается броситься в одну сторону, Конан резко прыгнул в другую, и глазам его открылась огромная рана на шее чудовища. Кровь уже не текла и похоже, что рана начала затягиваться тонкой кожей — дракон восстанавливался на удивление быстро. Собравшись с силой, Конан с выдохом ударил мечом в старую рану. Раздался хруст перерубаемых позвонков. Дракон издал странный каркающий звук, и голова его, отделенная от туловища, со стуком упала на камни. Из обрубка шеи вырвался фонтан черной крови и мощная струя пламени.

Конан отрыгнулся. Шея чудовища моталась в разные стороны, поливая пещеру кровью и пламенем. Наконец, дракон захлопал крыльями, забился, завалившись на бок, как курица, которой хозяин отрубил голову. Лапы, увенчанные огромными кривыми когтями, царапали воздух. Змеиный хвост непрерывно свивался кольцами. Дракон в агонии сполз с плиты, под которой, по словам Актиона, таились несметные сокровища и, наконец, стал затахать.

Конан вытер рукавом заливающий глаза пот. Присел на камень. Поискав глазами, чем бы вытереть меч. Ничего не нашел. Только вот, разве что — вытереть о кожистые крылья... Ладно, это потом... чуть позже.

— Конан, Конан! — Хепат был уже рядом и со слезами обнимал друга. — Как ты его!.. Раз! И голова!..

— А где же Акцион? — устало спросил киммериец.

— Акцион... — гном замялся. — Он ушел... пока я спал... он, вероятно... словом, его нет.

— Значит, дракон был прав? — спросил себя Конан, глядя при этом на ничего не понимающего гнома.

И медленно пояснил:

— Дракон говорил мне, что никакой короны нет, сокровища нам не унести, а колдуна нужен только источник... А мы теперь ему не нужны...

— Может и так, — грустно сказал Хепат, — но мы все же попробуем достать сокровища, так ведь?

— Попробуем... конечно, попробуем... — ответил Конан.

Акцион настороженно огляделся. Кажется, где-то здесь. Именно в этой невзрачной, небольшой пещере, совсем недалеко от той, где сейчас Конан с Хепатом надрываются, пытаясь сдвинуть плиту, должен выходить на поверхность тот самый ручеек... Источник молодости... Небольшой ручеек красного, как кровь, цвета. Он даст силы старческому телу, он вернет молодость, он заставит кровь разогреться... Где же он, где?

Колдун обследовал все закоулки... Те предупреждения на стене... Их надо учесть... Конан тогда догадался, что великий колдун Акцион, конечно, прочел таинственные надписи, сделанные на древнем, очень древнем языке...

Акцион полз на четвереньках вдоль стены. Жаль, что он захватил с собой только три факела... может не хватить. Здесь несколько похожих пещер... И в которой из них источник?.. А если не хватит факелов, придется вернуться к этим простакам — киммерийцу и гному, покаяться... или сказать, что заблудился...

Колдун стонал с досады. Демоны?.. Может, все же, несмотря на охранительные заклинания, демоны сумели отвести глаза? Повредить ему они не в состоянии, но отвести глаза, пожалуй, смогут...

Акцион погасил факел и в полной темноте на ощупь стал искать живительный источник. Он выходит на поверхность где-то в самом углу одной из пещер... По всем признакам, в этой...

* * *

— Нам не сдвинуть эту плиту, — устало сказал Конан, присаживаясь на лапу поверженного дракона.

Хепат молча жарил на пламени факела куски драконьего мяса.

— Мы даже не знаем, плита это, или просто огромный камень, — продолжал Конан мрачно, — верить колдуну теперь нельзя... Нужно обследовать все закоулки пещеры... Может, хоть чем-то удастся поживиться — не возвращаться же с пустыми руками...

Хепат попробовал мясо дракона, пожевал и выплюнул:

— Ему же не меньше нескольких тысяч лет! Почти целый колокол его жарю, а он все как дерево! А у нас в клане говорили, что жаркое из дракона очень вкусное и лечит от девяноста девяти болезней!

Крякнув с досады, Конан отправился исследовать пещеру, оставив гнома жарить куски «деревянного» мяса.

Пещера была настолько огромной, что для полного обследования ее потребовалось бы много дней. Поэтому Конан, вначале решил ограничиться беглым осмотром — нет ли не слишком заметных ходов, тоннелей, скрытых от глаз, скажем, массивной фигурой великана, или слона-гиганта. Осторожно заглянул за спины спящих в каменной скорлупе исполинов. Проверил стены — не ли хорошо подогнанных, незаметных дверей. Наконец, исследовал многочисленные колонны — нет ли за ними тайных ходов.

Ни ходов, ни дверей не было. Разочарованный Конан вернулся к Хепату, уплетавшему за обе щеки, огромный кусок драконьего мяса.

— Ты только попробуй, — гном протянул другу другой кусок, никак не меньше того, с которым он пытался справиться, — оказывается, его нужно просто подольше жарить! И тогда оно становится мягким и очень вкусным!

— О боги! — воскликнул Конан. — Тебя интересует что-нибудь еще, кроме жратвы?!

— Ну, конечно, — грустно ответил Хепат, — интересуют сокровища... Только теперь ясно, что мы их не добудем... Так хоть наестся вволю, перед обратной дорогой.

Конан молча кивнул и приступил к трапезе. Драконье мясо оказалось действительно очень вкусным, мягким и сочным — его нужно было просто подольше жарить...

* * *

Первая, еще смутная мысль, посетившая существо после того, как оно стало выходить из оцепенения, была вялой и неокрепшей. Кто-то сковал его, заставил уснуть и видеть отвратительные сны. Ужасные, липкие сны. И это жгучее желание проснуться!.. Этот кошмар навязанного извне сна!.. Но теперь в голове существа, будто ветер разгонял клейкую, опутывающую дрему! Теперь уже скоро...

Скоро оно овладеет всей своей мощью, и тогда ему не поздоровится — этому жалкому смертному! Еще немногоЯ.. Только бы успеть!.. Только бы успеть сбросить с себя оцепенение, пока он не нашел то, что ищет!.. Конечно, существо, уже погружаясь в колдовской, навеянный заклинаниями сон, сумело спрятать то, что ищет этот смертный... Но все же... Все же он не так прост, он сильный колдун... он может сообразить... и найти...

* * *

Акион полз в кромешной тьме, ощупывая руками каждый камешек, каждую впадину вдоль стены пещеры. Пробуждение демона он почувствовал в тот момент, когда его старческие ладони окунулись в холодную влагу небольшого ручейка. И тотчас руки будто опалило огнем.

Это он! Это источник молодости! Колдун, не зажигая факела, торопясь, припал потрескавшимися губами к обжигающей влаге. Успеть!.. Успеть возродиться, обрести молодость и силы, пока демон-хранитель не проснулся окончательно!..

* * *

Насытившись, Конан решил продолжить осмотр пещеры — на сей раз более тщательно. И начать следовало с той самой плиты, на которой восседал дракон. Конечно, плиту Конан и Хепат осмотрели сразу же после гибели дракона, но все же... еще раз осмотреть, попробовать простучать, поискать скрытый камень, надавив на который, можно все же открыть сокровищницу... Если, конечно, колдун не соврал, и под плитой действительно лежат сокровища.

Медленно продвигаясь вдоль кромки, Конан углубился в изучение тончайших трещин огромного монолита...

* * *

Существо, наконец, проснулось окончательно. Осознало себя. Овладело волей и энергией. Почувствовало свою мощь. Раскинув энергетические щупальца по многочисленным большим и малым пещерам, мгновенно оценило обстановку. В пещере дракона двое смертных. Один пытается найти несуществующий ключ к сокровищнице, другой коптит мясо погибшего дракона. Дракон был слишком стар и неповоротлив... Все произошло так, как, в конце концов, и должно было произойти — пришел герой и убил старого, отупевшего, постоянно сонного монстра. Правда, герою немного помог колдун.

Тот самый ненавистный колдун, который осмелился наслать на него — великого стражу пещер — коварный волшебный сон! Где же он, этот колдун? Энергетические усики потянулись дальше, закручиваясь, пронизывая пространство в разных направлениях. Где же он? Где он укрылся? Как смог он укрыться от невидимого, всепроникающего луча?! И внезапно демон познал страх. Укрыться он мог только в одном случае — если вернул молодость и с ней получил те огромные силы, которые дает источник! В этом случае, поединок, если он состоится, вполне может быть проигран! Существо втянуло усики и погрузилось в размышления.

* * *

— Похоже, что нет никакого тайного камня, никаких противовесов, — проговорил Конан с досадой, — да и зачем дракону эти ухищрения, если он мог сдвинуть плиту одним когтем?

— Понятно, — вздохнул Хепат, — что ж, будем собираться в обратный путь?

— Пожалуй... — Конан окинул взором пещеру.

Что-то задержало его взгляд. Что-то изменилось в углу, где гигантская змея обивала колонну. Хепат, заметив направление взгляда друга, также стал всматриваться. Прищурившись, он пробормотал:

— Змея, кажется, поддерживала головой свод пещеры...

— Точно! — воскликнул Конан, — А теперь она не касается свода! Змея повернула голову!

— И немного опустила, будто хочет разглядеть, кто тут хозяйничает... — Гном спешно стал упаковывать походные сумки.

Раздался треск. Вначале слабый, будто где-то далеко лопались веревки... или же трескались камни. Затем на пол пещеры посыпалась мелкие камешки. Скорлупа осыпалась с огромного гада, как песок с высыхающей лошади, после того, как она, искупавшись, вдоволь повалялась, покаталась на прибрежном, горячем песке.

* * *

Существо недолго терзалось сомнениями. Если с колдуном ему справиться будет трудно — пусть это сделает кто-нибудь другой. Например, змея. Хватит ей цепенеть в сонном ожидании... А он, демон-страж, поможет, поддержит в змее нужный уровень активности,нейтрализует колдовские заклинания... Это будет сделать легко. Вот если бы колдун направил заклинания не на него — как раньше... Да при теперешней силе, данной ему

источником!..

Но колдовство, направленное на змею, можно будет спокойно блокировать... И это принесет победу!

Нужно только заставить змею найти колдуна!

* * *

Конан и Хепат не стали дожидаться окончательного пробуждения огромного гада. Вскинув на плечи сумки, они устремились к выходу. Звук камнепада позади нарастал. Приятели спешили изо всех сил. Вскоре послышалось, многократно усиленное эхом, шипение. Огромная змея, очевидно, окончательно проснулась.

— Чем же она теперь займется? — поспешая за другом, спросил задыхающийся Хепат.

— Скорее, не «чем», а «кем», — мрачно ответил Конан. — Боюсь, что скоро она нас догонит...

— А может, она с голодухи начнет есть дракона?

— Я бы на это не рассчитывал, — Конан широко шагал, почти волоча за собой гнома.

Пройдя несколько пещер, они остановились. Необходимо было сориентироваться. Хепат покрутил длинным носом.

— Мне кажется, нам туда, — он указал крючковатым пальцем в нужном направлении и застыл, открыв рот.

Из тоннеля, расположенного шагах в десяти, к ним вышел стройный юноша. Легким шагом он подошел ближе и широко улыбнулся, сверкнув белоснежными зубами. Гордое чело его венчала сверкающая корона, состоящая, как с удивлением заметил Конан, сплошь из драгоценных камней невероятной величины. Казалось, что камни должны держаться на прочной нитке, как держаться бусинки в ожерелье, но киммериец был уверен, что никакой связующей нити нет. Камни соединяло нечто иное — волшебство, магия.

Корона абсолютной власти! Значит, она все же существует! Несомненно, перед ними предстал вернувший молодость Акцион! Он нашел источник и корону!

Юноша, в лице которого было так много знакомого, все еще лучезарно улыбался.

— Я не думал, Конан, что встречу тебя на обратном пути! Мне казалось, что ты еще долго будешь пытаться сдвинуть плиту! — И колдун захотел уже знакомым визгливым смехом. Именно так он смеялся, когда оставлял Конана и Хепата в нижних пределах, завладев костью демона Уробаха, и собираясь улететь царствовать в Иранистан.

— Так все же, есть там сокровища, или нет? — спокойно спросил Конан.

— Есть, конечно! — Акцион вновь захотел. — Я не обманул!

— Но ты с самого начала знал, что плиту сдвинуть невозможно?! — с негодованием заметил Хепат.

— Конечно, друг мой, конечно! Но мне требовалась сила и отвага Конана. Пришлось пойти на маленькую хитрость — кое о чем умолчать. Всего лишь — умолчать!

Колдун упивался хвастливыми речами. Он, как бродячий актер, стоящий на наспех сколоченной сцене, любовался собой, изливая на слушателей пышные словеса.

— Не переживай, Конан, что тебе не досталась корона абсолютной власти, — продекламировал Акцион, — она досталась более достойному во всех отношениях человеку — мне! Пусть это послужит тебе утешением.

— Да я и не переживаю, — усмехнулся Конан, в тоже время напряженно прислушиваясь.

Колдун внезапно помрачнел. Теперь он уже не походил на актера в приступе самолюбования.

— Я вижу, герой, что у тебя будет свое королевство... Этого ты достоин, так же, как и я... Так что тебе и не к чему эта волшебная корона... — Он с благоговением прикоснулся тонкими пальцами к сверкающим камням. Огромный алмаз, сияющий в центре короны, при этом вспыхнул, и по пещере побежали веселые блики. Соседние камни — темно-красные рубины — также осветились изнутри и заиграли кровавыми отблесками. Хепат удивлялся спокойствию друга — всегда такого вспыльчивого.

— Мы, конечно, можем пройти обратный путь вместе, — вновь продекламировал колдун, — однако, я думаю, это лишнее. Наше перемирие закончилось. Но я не советовал бы объявлять мне войну, герой! Теперь, когда я обрел молодость и невиданную силу, даруемую источником!

А Конан слышал шуршание в тоннеле, по которому они только что пришли. Будто катилась огромная винная бочка. Как бы в задумчивости он прошел мимо колдуна. Затем еще немного вперед, стараясь встать так, чтобы на пути змеи первым оказался Акцион. Гном, не понимая маневров друга, следовал за ним по привычке, как привязанный.

Акцион с любопытством следил за передвижениями Конана, полагая, очевидно, что тот собирается напасть и выбирает лучшую позицию.

— Я не советую тебе хвататься за меч, герой... — начал он.

Конец фразы колдуна потонул в шипении огромной змеи, черным потоком скользнувшей в пещеру. Голова гадины нацелилась на Актиона. Он стоял ближе, и он был тем самым ненавистным существом колдуном. Голос существа постоянно звучал в голове змеи. Он нашептывал, направлял, разжигал ненависть, заставлял окончательно проснуться и броситься в погоню.

Словно при вспышке молнии понял Акцион маневры Конана, его спокойствие. Воздев руки, колдун забормотал заклятие, и огромная голова змеи со стуком упала на каменный пол. Но тут же вскинулась, и ее кровавые глаза вновь уставились на врага. Тело огромного гада напряглось, приготовившись к броску. Акцион с исказившимся лицом вновь бросил заклятие в огромную полуоткрытую пасть, из которой выстреливал раздвоенный язык толщиной с человеческую руку. На сей раз змея только слегка качнула головой и с быстротой летящей стрелы обвила колдуна мощными кольцами.

Конан с Хепатом, предусмотрительно отойдя в сторону, наблюдали за схваткой. Огромная змея полностью покрыла тело человека блестящими, шевелящимися, черными кольцами. Виднелась только голова колдуна с вытаращенными глазами, в сверкающей, переливающейся всеми цветами волшебной короне. Акцион из последних сил, чувствуя, как ломаются, сминаются кости, попытался выкрикнуть заклятие, но из горла его вырвался только предсмертный хрип. И в следующее мгновение через открытый рот красной кровавой кашей потоком хлынули внутренности, выжимаемые из тела невероятной силой огромной змеи.

Одновременно со смертью колдуна, упала и рассыпалась на сверкающие камни волшебная корона.

Змея медленно разжала объятия и стала заглатывать добычу. Огромные камни, составляющие ранее корону абсолютной власти, вспыхивали вокруг маленькими солнцами.

— А вот и наша добыча, — пробормотал Конан и осторожно стал собирать камни.

Хепат, стараясь держаться подальше от извивающегося хвоста гигантской змеи, присоединился к нему, и вскоре сокровище было надежно упрытано в походную сумку.

— Теперь нам, пожалуй, пора, — бросил Конан, наблюдая, как исчезают в пасти змеи ноги Актиона.

Быстрым шагом друзья направились в соседнюю пещеру.

* * *

Существо, наблюдая, как воин, сумевший победить старого дракона, и его малорослый спутник уносят камни рассыпавшейся волшебной короны, раздумывало, как поступить. Должность стражи обязывала беречь источник и корону.

Но источник они, судя по всему, искать не собирались, а короны абсолютной власти больше не существовало, ибо сумевший завладеть ею человек был умерщвлен. Сила короны начала действовать, а личность, носившая ее, исчезла. Волшебство рассеялось. Правда, камни, когда-то составлявшие корону, имели огромную ценность сами по себе, но ведь существо не являлось стражем сокровищ!..

* * *

Конан и Хепат пробирались чередой пещер и тоннелей. Некоторые пещеры казались знакомыми — возможно, они шли в верном направлении. Но, попадая в другие подземные залы, друзья понимали, что здесь они никогда не были. Оставалось надеяться на удачу. И киммериец, и гном хорошо понимали, что блуждать в подземных переходах можно вечно. Точнее, до тех пор, пока не догорит последний факел. Дальше темнота и смерть.

— Да, жалко нет с нами того кота, что вывел нас из лабиринта, — вздохнул Хепат, — сейчас бы он очень пригодился.

— Лучше смотри, куда отклоняется пламя, — проворчал Конан, — там должен быть хоть какой-то выход.

— Ну да, приDEM, а там отверстие наверху, под самыми сводами... не допрыгнем!

— Ну, тебя-то я подброшу, — усмехнулся Конан, — ты зацепишься и бросишь мне веревку... Сколько у нас осталось факелов?

— Три, — мрачно ответил гном.

Затем хотел что-то добавить, но так и застыл с открытым ртом, уставившись в сторону одного из боковых тоннелей.

Глянув в том направлении, Конан заметил человека, окруженного странным мерцающим светом. Человек был молод, строен, оружия при себе не имел и передвигался легкой походкой хорошо отдохнувшего, опытного ходока.

Странный ореол прекрасно освещал дорогу впереди и позади человека, который, очевидно, давно заметил Конана и Хепата и направлялся к ним.

— Я же говорил, Конан, что мы еще не раз встретимся, — весело сказал светящийся человек. — Я Эскиламп, лучший ученик Актиона.

— Я тебя помню, — ответил Конан.

— Как я понимаю, вы немного заблудились, — любезно продолжал колдун, — я помогу вам найти верную дорогу. Но вначале расскажите мне, как умер мой учитель.

— Твой учитель, — воскликнул Хепат, — был обманщиком!

— Все мы иногда вынуждены обманывать кого-то, — задумчиво произнес колдун. — Расскажите мне о его смерти. Я ее почувствовал... Я должен позаботиться о теле, и найти кинжал. Этот кинжал переходит от учителя к ученику в течение многих тысячелетий.

— Насчет кинжала я знаю... — Конан вспомнил древний клинок. — А о теле его уже позаботились...

— Кто?

— Огромная змея!

— Так он погиб, сражаясь со змеей?

— Не столько сражаясь, сколько спасаясь от нас... а змея напала внезапно.

— Почему же он от вас спасался? А, понимаю... Он вас обманул...

— Именно! — затараторил Хепат. — Он обещал Конану корону абсолютной власти! А надел ее себе на голову! Тут его и задушила змея! А корона-то сразу распалась на отдельные...

Заметив хмурый взгляд друга, гном с негодованием засопел и умолк.

— Корона распалась? — задумчиво проговорил Эскиламп.

Затем пристально посмотрел на Конана и на дорожный мешок за его плечами. Киммериец спокойно выдержал взгляд догадавшегося обо всем колдуна.

— Значит, короны абсолютной власти больше не существует... А источник молодости мой учитель нашел?

— Нашел и здорово помолодел! — подтвердил Хепат.

— Источник дает не только молодость, но и силу, — ореол вокруг колдуна померк, когда он присел на камень, в задумчивости подперев кулаком подбородок, — значит, против него действовал кто-то еще, очень могущественный... Он и помог змее... Очевидно, демон-хранитель. Ладно, разберемся на месте!

Колдун вскочил, и свет вокруг него вспыхнул с новой силой. Он соединил ладони коробочкой, как бы заключив внутри часть ореола. Прошептал заклинание. С видимым усилием сжал ладони и выпустил небольшой светящийся шарик, застывший в нескольких шагах от Конана.

— Идите за светом. Он приведет вас к лестнице. Там уж дорогу найдете сами! — Эскиламп сверкнул улыбкой и легким шагом направился в глубину пещеры.

Шарик медленно поплыл в противоположную сторону.

— А можно ли ему верить? — проворчал Хепат. — Может, этот свет нас заведет...

— Я думаю, верить можно... — буркнул Конан. — Во всяком случае, в этом деле.

— Конан! — крикнул Эскиламп с другого конца пещеры. — Я чуть не забыл тебя предупредить: камни от короны через месяц начнут тускнеть, а через год превратятся в обычный булыжник! Так что продавай их поскорее! И лучше подальше отсюда!

Конан и Хепат обменялись мрачными взглядами.

— Ну что ж, — гном почесал затылок, — покупку дворца придется отложить, а камни эти сбыть как можно быстрее.

— Но у нас впереди целый месяц! — Конан похлопал друга по плечу. — Я так давно не пил хорошего вина!

И он широким шагом направился за манящим шариком завораживающего чистого света.